

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

С. С. Казаров

**А. Д. Дмитриев и развитие антиковедения
на Дону**

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
2018

УДК 929:94-051(470.61-25)"19"
ББК 63г(235.7)
К143

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. П. Беликов*;
доктор исторических наук, профессор *А. М. Сморгков*

Казаров, С. С.

К143 А. Д. Дмитриев и развитие антиковедения на Дону : монография / С. С. Казаров ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. – 102 с.

ISBN 978-5-9275-2764-9

В книге рассматривается научная и педагогическая деятельность известного отечественного антиковеда профессора А. Д. Дмитриева. Последний период его деятельности был тесно связан с Ростовским государственным университетом, где он занимал должность заведующего кафедрой всеобщей истории. Книга основана на богатом архивном материале, который вводится в оборот впервые.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей исторической науки.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 929:94-051(470.61-25)"19"
ББК 63г(235.7)

ISBN 978-5-9275-2764-9

© Южный федеральный университет, 2018
© Казаров С. С., 2018

Содержание

Введение	5
ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ УЧЁНОГО	11
1. Начало пути в науку	11
2. Антираелигиозная тематика в работах А. Д. Дмитриева	14
3. История Украины в трудах А. Д. Дмитриева.....	30
ГЛАВА II. А. Д. ДМИТРЕВ – УЧЁНЫЙ АНТИКОВЕД.....	46
1. Разработка ученым проблем классовой борьбы в Римской империи	46
2. Концепция «революции рабов» как историографическая проблема.....	69
3. Школа профессора А. Д. Дмитриева.....	80
Заключение.....	96
Список трудов А. Д. Дмитриева:	99
Литература	100

К 130–летию со дня рождения ученого

В сентябре 1951 г. на историческом факультете Ростовского-на-Дону Государственного университета появился интеллигентного вида пожилой высокий мужчина с густой шевелюрой седых волос и слегка красноватым лицом. Это был уже известный к тому времени учёный-антиковед профессор Александр Дмитриевич Дмитрев.

Надо сказать, что это его появление в стенах РГУ уже было не первым: в 1945 г. он работал здесь в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории, но тогда его пребывание в стенах РГУ оказалось весьма непродолжительным, ибо уже через год, в 1946 г. он по направлению министерства был направлен в Черновицкий государственный университет на ту же должность.

Более полувека прошло со дня смерти А. Д. Дмитриева. К великому сожалению, его имя стало забываться потомками. И сегодня в Институте истории и международных отношений ЮФУ, ставшего преемником исторического факультета РГУ, уже не осталось ни одного преподавателя, который бы лично знал Александра Дмитриевича. Чтобы сохранить добрую память о нем, мы и задумали написание этой книги.

Для воссоздания облика учёного, рассмотрение его жизненного пути, оценки его научного наследия был привлечён широкий круг источников: архивные материалы, работы А. Д. Дмитриева, многие из которых сегодня уже стали раритетом, записи бесед с коллегами и учениками А. Д. Дмитриева, многих из которых сегодня уже, увы, нет на этом свете.

Введение

Становление отечественной историографии античности, как известно, проходило не только в научных центрах страны – Москве и Санкт-Петербурге, но и в провинции, где, защитив докторские диссертации, работали некоторые видные учёные. Но, тем не менее, если жизнь и деятельность столичных учёных–антиковедов в большинстве случаев изучена достаточно хорошо, то совсем иначе обстоит дело с провинциальными учёными, хотя порой своими успехами на поприще науки такого невнимания они явно не заслужили.

Варшавский университет, переехавший в г. Ростов-на-Дону в годы Первой мировой войны, мог похвастать сильными преподавательскими и научными кадрами в области антиковедения. В своё на этом поприще весьма плодотворно потрудились профессора С. И. Вехов, А. Ф. Семёнов, П. Н. Черняев. Но эти исследователи ушли к началу 1930-х годов, с одной стороны, оставив глубокий след в развитии антиковедения на Дону, с другой, не оставив учеников и не создав по ряду объективных причин, научной школы. Все это привело к образованию лакуны в развитии исторической науки об античности. И такое положение сохранялось вплоть до самой середины XX века, до того времени, когда уже в сменившем своё название и именовавшемся в то время Ростовском Государственном университете (ныне – Южный Федеральный университет) появилась колоритная фигура известного учёного–антиковеда профессора Александра Дмитриевича Дмитриева (1888–1962).

Его имя и его деятельность дали важный импульс не только изучению античной истории на нашей Донской земле, но и в широком смысле становлению античной истории как науки на Дону. Несмотря на то, что учениками и последователями профессора А. Д. Дмитриева в отдельных статьях делались попытки проанализировать отдельные аспекты его творчества, комплексного анализа всего его творчества до сих пор не проведено. Да, и весь творческий путь ученого остается до сих пор остается неизвестным

Было бы несправедливо сказать о том, что о профессоре А. Д. Дмитриеве никто никогда не писал. Писали! И первым это сделал его любимый ученик и его первый аспирант, а впоследствии замечательный преподаватель, учиться у которого посчастливилось автору этих строк, – Юрий Венедик-

тович Кнышенко. Речь идёт о сборниках, посвящённых наиболее известным профессорам Ростовского университета. Но это были небольшие по объёму статьи популярного или справочного характера¹. В них были отражены личные сведения автора о своём научном руководителе, о котором он, естественно, отзывался в превосходной степени. Но, к сожалению, здесь нет анализа научного творчества А. Д. Дмитриева, ни каких-либо интересных, основанных на архивном материале, биографических данных. Но справедливости ради надо сказать, что такие цели там не ставились.

Естественно, общие оценки научного творчества Александра Дмитриевича Дмитриева можно найти в трудах по историографии античности и средневековья, при этом характерно, что медиевисты считают его «своим», а антиковеды – «своим», и это неудивительно, ибо его труды находились как раз на грани поздней античности и раннего средневековья.

Высокую оценку как сама докторская диссертация А. Д. Дмитриева, так и его отдельные статьи, посвящённые рабским восстаниям IV–V вв., получили в работе О. Л. Вайнштена. «Используя разнообразные письменные источники VI–V вв., данные нумизматики, эпиграфики, папирологии и пр., автор следит за тем, как постепенно нарастало революционное движение в ряде провинций. При этом он подчёркивает единство классового характера и непрерывность революционного на протяжении трёх веков до самой гибели Империи на Западе», – писал О. Л. Вайнштейн². По мнению автора, именно А. Д. Дмитриев выдвинул тезис о том, что с середины V в. варвары от «политики союза» с революционным движением переходят к «политике его подавления», но чем был вызван этот разрыв между народными массами Империи и варварами и почему он происходит именно с середины IV в. остаётся невыясненным, а само это положение, по замечанию О. Л. Вайнштейна, остаётся невыясненным, а само это положение бездоказательным»³.

Подобная оценка творчества А. Д. Дмитриева прозвучала в историографической работе З. В. Удальцовой. Подобно предшествующему автору, она отмечает использование А. Д. Дмитриевым широкого спектра источни-

¹ Кнышенко Ю. В. Член национального комитета историков Советского союза А. Д. Дмитриев (1888–1962) // Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 1965; Кнышенко Ю. В., А. Д. Дмитриев // Путиями познания. Биографии видных учёных РГУ. Ростов-на-Дону, 1985.

² Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968. С.110.

³ Там же.

ков – нарративных, законодательных, эпиграфических, эпистолярных и житейских. «В трудах историка перед читателями проходят, сменяя одна другую, картины борьбы рабов, колонов, разорённых крестьян в Галлии и Испании, где они объединяются в движение багаудов; в Придунайских провинциях империи, во Фракии и Македонии, где эта борьба сливается с восстанием вестготов; в восточных провинциях, где она принимает форму движения разбойников-латронов; и наконец, в Паннонии и Норике, где эти движения принимают форму восстаний разбойников-скамаров»⁴.

Вместе с тем, З. В. Удальцова подвергает критике некоторые положения концепции А. Д. Дмитриева. Она отмечает, что в его работах немало «натяжек, априорных выводов, и малодостоверных гипотез. Слабо, например, показана связь социальных движений с экономическими и политическими сдвигами, происходившими в Поздней Римской империи. Тем не менее, З. В. Удальцова в целом даёт весьма позитивную оценку работам учёного.

Другой отечественный византинист Г. Л. Курбатов, отмечая повышенное внимание советских специалистов к изучению народных движений, среди вышедших в эти годы работ выделяет статьи Н. А. Машкина, А. П. Каждана и А. Д. Дмитриева⁵.

Ещё меньшего внимания А. Д. Дмитриев удостоился в историографических обзорах своих коллег – антиковедов. Так, известном в коллективном пособии по историографии античной истории он назван в числе ряда исследователей, разрабатывающих различные аспекты классовой борьбы и социальных движений в античном мире (Н. М. Машкин, С. И. Ковалёв, А. В. Мишулин). При этом отмечается, что особенно обстоятельно различные аспекты революционных движений были исследованы А. Д. Дмитриевым в докторской диссертации «Социальные движения в Римской империи» (1949)⁶. Таким образом, здесь отмечен особый вклад А. Д. Дмитриева в исследовании сложнейших аспектов как рабских, так и народных движений в целом.

Рассматривая работы, содержащие упоминания о профессоре

⁴ Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. - С.62.

⁵ Курбатов Г. Л. История Византии (Историография) Л., ЛГУ, 1975. - С.195.

⁶ Историография античной истории. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980. - С. 341.

А. Д. Дмитреве, было бы несправедливо проигнорировать работы украинских, в первую очередь – черновицких ученых. В первую очередь хотелось бы здесь выделить статью Б. М. Боднарюка, в которой дан обзор трудов ученого, а также кратко рассмотрен черновицкий период его жизни и деятельности. К сожалению, по понятным причинам (отсутствие материала о ростовском периоде жизни ученого) автор не только практически ничего не сообщает о завершающем периоде его жизни, но и ошибочно в качестве даты его смерти указывает 1964 г.⁷

Личность профессора А. Д. Дмитрева, естественно, оказалась в центре внимания празднования 60-летнего юбилея кафедры истории древнего мира, средних веков, археологии и этнологии Черновицкого Государственного университета, которое нашло отражение в обзорной статье В. Балуха и А. Масана⁸. Авторы довольно полно отразили основные вехи жизненного пути ученого до отъезда его из Черновцов. Однако, делая акцент на том, что ученый в Ростове-на-Дону «активной научной деятельностью не занимался», авторы не упоминают о том, что именно в Ростове-на-Дону А. Д. Дмитрев получил право научного руководства и, здесь, как мы увидим выше, по истории древнего мира защитилось два его аспиранта.

Источники:

В работе были использованы различные виды источников. Поскольку во главу угла, прежде всего, была поставлена задача анализа творчества учёного, первым видом источника являются труда профессора А. Д. Дмитрева. Но здесь уже в самом начале мы сталкиваемся с рядом серьёзных проблем. Большая часть работ учёного, изданных до войны, к счастью, сохранились в фондах Зональной библиотеки Ростовского государственного университета (ныне Южного федерального университета). Есть основания предполагать, что почти все эти работы были лично привезены и переданы сюда самим профессором Александром Дмитриевичем. Подтверждением данного предположения может являться тот факт, что в Донской публичной библиотеке, более старшей по возрасту, чем библиотека Ростовского

⁷ Боднарюк Б. Життя і наукова діяльність історика-візантиніста Олександра Дмитрева // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Т.2 (30). Чернівці, 2010. С. 9–14.

⁸ Балух В., Масан О. Творчий шлях кафедри етнології та середньовічної історії за 60 років // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Т.1. Чернівці, 2001. С. 9–20.

университета, аналогичные издания полностью отсутствуют. Но даже в библиотеке РГУ имеются отнюдь не все произведения учёного, и нам пришлось «добирать» их в центральных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга.

Другой вид источника – отчёт о научной стажировке А. Д. Дмитриева в бытность его студентом академии в Русском археологическом институте в Константинополе, опубликованный в Трудах Киевской духовной академии за 1915 год, позволяет нам определить научные интересы делающего первые шаги на этом поприще молодого исследователя.

Второй вид источника – это неопубликованные архивные данные. Поскольку в изданных ранее статьях о профессоре А. Д. Дмитриеве в основном затрагивалось лишь его научное творчество, возникла необходимость ознакомиться с жизненным путём учёного, чтобы хотя бы выяснить причины его появления в Ростовском Государственном университете. С этой целью мной было изучено личное дело профессора А. Д. Дмитриева, которое хранится ныне в Архиве Южного Федерального Университета. Особый интерес здесь представляет автобиография автора, написанная лично его рукой. Все сведения личного характера можно найти в личном листке по учёту кадров, хранящимся здесь же.

Но особую гордость автора составляют впервые введенные в научный оборот и ставшие сегодня совсем уж труднодоступными для российских исследователей материалы архива Черновицкого национального университета им. Федьковича. При этом надо признать, что эти материалы гораздо более информативнее, нежели те, которые отложились в архиве ЮФУ. Это объясняется тем, что, покидая Черновцы, основной массив своих документов А. Д. Дмитриев был вынужден оставить именно там. В связи с этим не могу не выразить самую искреннюю признательность за оказанную мне помощь к.и.н., занимавшему в то время должность помощника проректора по научной работе ЧНУ им. Федьковича Андрею Игоревичу Козаку.

Материалы для данной книги собирались автором не один год. Когда были ещё живы и здоровы не только ученики, но и даже коллеги Александра Дмитриевича Дмитриева, для составления полного представления о нём, как не только как об учёном, но и просто как о человеке, были опрошены люди, хорошо знавшие его. Все они, каждый по-своему, добавили

важные штрихи в общий портрет А. Д. Дмитриева, поспособствовав более точному пониманию его, как учёного и человека. Кто-то мог о нем рассказывать часами, а кто-то ограничивался только одной фразой (типа «да, конечно, помню»). Автор выражает искреннюю благодарность и отдает дань памяти, к огромному сожалению, уже покинувшему этот мир коллегам и ученикам Александра Дмитриевича по кафедре Всеобщей истории – к.и.н., доценту Наталье Васильевне Бакулиной, последнему аспиранту профессора – к.и.н., доценту Николаю Павловичу Доценко, бывшему заведующему кафедрой истории КПСС профессору Евгению Николаевичу Осколкову, бывшей заведующей кафедрой Всеобщей истории д.и.н., профессору Нине Алексеевне Акимкиной, бывшим его студентам, а впоследствии доцентам РГУ – Николаю Никитичу Диордиеву и Николаю Семёновичу Коршикову, и многим-многим другим. Каждый из перечисленных учеников и коллег добавил как-то свой особый, неповторимый штрих в общий портрет известного учёного.

К огромному сожалению, мы были лишены возможности воспользоваться личным архивом ученого, в том числе и его эпистолярным наследием, ибо после смерти вдова ничего не передала в архив и все бумаги ученого увезла из Ростова-на-Дону в неизвестном направлении.

В своей монографии мы попытались воссоздать образ А. Д. Дмитриева, как ученого и человека, а как нам удалось, судить уже читателю....

ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ УЧЁНОГО

1. Начало пути в науку

Александр Дмитриевич Дмитрев родился 23 ноября 1888 г. в Киеве в учительской семье. В своей автобиографии А. Д. Дмитрев указывал, что его отец был учителем древнегреческого языка, чем отчасти можно объяснить его интерес к классическим древностям⁹. Однако, как нам представляется, о своем истинном происхождении он из тактических соображений написал полуправду: скорее всего, его отец был священником в чине протоиерея. Так, в «Киевских епархиальных ведомостях» за 1905 г. нам попала заметка о том, что протоиерей Дмитрий Дмитрев награжден орденом св. Анны¹⁰. Скорее всего, это и был отец будущего ученого. Но писать о своем духовном происхождении в годы Советской власти было не только рискованно, но и просто опасно.

Как поведал автору этих строк в личной беседе Ю. В. Кнышенко, сам Александр Дмитриевич часто бывал раздосадован тем, что его фамилию искажали, по традиции называя его «Дмитриев». Больше того, по его словам, фамилия ранее вообще звучала как «Дмитрѣв».

В 1909 г. он поступил на исторический факультет Киевской духовной академии. Несмотря на своё название, Киевская духовная академия не была чисто религиозным учебным заведением. Здесь трудились крупные и известные учёные, готовившие серьезнее научные кадры. Одним из основных направлений научных исследований Киевской духовной академии была византистика, поэтому темы, посвящённые различным аспектам истории Византии, разрабатывались как преподавателями, так и студентами академии. Особый интерес в этой связи представляет сотрудничество Академии с Русским археологическим институтом в Константинополе. В нём стажировались молодые специалисты Киевской духовной академии,

⁹Архив Южного Федерального университета. Ф. р. – 46. Оп.22 Д. 65. Л.2.

¹⁰ Киевские епархиальные ведомости, 1905, № 21.

а между обоими учебными заведениями осуществлялся обмен научными достижениями¹¹.

После успешного окончания Киевской духовной академии в 1913 г. Учёным Советом Академии А. Д. Дмитриев по квоте Академии был командирован в качестве профессорского стипендиата (аспиранта) в Русский археологический институт в Константинополе для продолжения образования и специализации. Здесь сферой его научных интересов в этот момент было церковное право в Византии.

Надо сказать, что А. Д. Дмитриеву крупно везло с научными руководителями. В Киевской духовной академии его руководителем им стал один из крупнейших отечественных дореволюционных специалистов по античной истории, первый переводчик Полибия на русский язык, Федор Герасимович Мищенко (1848–1906).

Что касается Русского Археологического института в Константинополе, то он был основан в 1895 г. известным византинистом академиком Фёдором Ивановичем Успенским (1845–1928), под чьим руководством А. Д. Дмитриев начал заниматься проблемами античности и ранней Византии. Во время пребывания в институте Александр Дмитриевич принимал участие в научных экспедициях институт в Сирию, Малую Азию, Грецию, которые оставили в его жизни глубокий след.

Но только ли чистой наукой занимался упомянутый институт и его сотрудники? Однажды в разговоре с автором этих строк профессор РГУ Александр Павлович Пронштейн сказал одну показавшуюся тогда загадочной фразой о том, что в Археологическом институте А. Д. Дмитриеву приходилось заниматься и не свойственными историку делами. Сбор разведывательной информации накануне первой мировой войны, учитывая внешнеполитическую ориентацию Турции, мог оказаться очень важной задачей. Но, видимо, даже в советские времена Александр Дмитриевич предпочитал особо не распространяться на эту тему.

Командировка в Константинополь дала возможность А. Д. Дмитриеву расширить преимущественно археологическую сторону своей научной работы, посвящённой коронации византийских басилевсов. Во время пребы-

¹¹ Файда О. Византистика в Киевской духовной академии. 1819–1919 гг. Автореф. дисс....к.и.н. Львов, 2006. - С.10.

вания на стажировке молодой учёный проработал фонды библиотеки Института, где сфотографировал иллюстративный материал по истории инсигний византийских коронаций, просмотрел нумизматические коллекции кабинета древностей при Институте. Кроме того, стипендиат ознакомился с источниками и монографиями по разным сторонам византийской истории, которых не было в киевских библиотеках¹². Изучение полученных материалов привело А. Д. Дмитрева к мысли о целесообразности дальнейших исследований и поиски материалов в Ватиканской библиотеке. Научный руководитель Ф. Г. Мищенко высоко оценил результаты работы стипендиата и предложил оставить его в Академии на преподавательскую работу¹³. Но жизнь распорядилась иначе.

После начала первой мировой войны и закрытия института в 1914 году А. Д. Дмитрев возвратился на Украину и начал преподавательскую работу в гимназиях Одессы. После Октябрьской революции 1917 г. он преподавал в преобразованных из гимназий советских трудовых школах и одновременно состоял инструктором Отдела Народного образования в Одесском округе.

В 1922 г. А. Д. Дмитрев переехал в Киев, где начал работу инструктором управления водного транспорта, лектором курсов по подготовке в ВУЗы, инструктором Отдела Народного образования. Но важным условием для успешного продолжения карьеры при новой власти было подтвержденное документально владение азами марксизма–ленинизма. Это проблема было успешно решена: в 1923–1924 гг. он успешно окончил курсы марксизма-ленинизма при Киевском обкоме профсоюза¹⁴. Хотя членом ВКП (б) он и не стал, без сомнения, это очень помогло Александру Дмитриевичу в дальнейшей работе.

В 1929 г. он стал научным сотрудником т.н. Византологической Комиссии Украинской академии Наук. Им была подготовлена аннотированная библиография и разработан ряд тем по социально-экономической истории Византии. Здесь же на заседании комиссии он выступил с несколькими научными докладами («Аграрні стосунки у Византії», «Георг

¹² Труды Киевской духовной академии. 1915, № 6. - С.682

¹³ Там же. – С. 684.

¹⁴ Архів Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича (далее – АЧНУ). Акты 1951 г. № 56. Л.1.

Гемист Плетон як соціальний реформатор», «Револуціоно–демократичний рух у Візантії IV в.»)¹⁵. Одночасно А. Д. Дмитрев почав літературну антирелігійну роботу в московських видавництвах.

В 1932 г. он переехал в Москву, где стал научным сотрудником Московского архивного управления и Московской исторической библиотеки¹⁶. По некоторым сведениям, переход на новую работу был осуществлен благодаря протекции известного византиста Ф. И. Успенского¹⁷. Как писал в своей автобиографии Александр Дмитриевич, его работа в архивном управлении была связана с подготовкой материалов по истории фабрик и заводов, а также по истории гражданской войны¹⁸

2. Антирелигиозная тематика в работах А. Д. Дмитриева

Свою научную деятельность А. Д. Дмитрев начал с трудов по антирелигиозной тематике. Можно ли их назвать научными? Для ответа на этот вопрос представляется целесообразным проанализировать написанные на эту тему работы.

По всей вероятности, во время работы сотрудником Византологической комиссии в Киеве, начинающий ученый сумел собрать и обобщить значительный материал, который им был использован при написании целой серии работ по антирелигиозной тематике.

В 1929 г. вышла первая печатная работа А. Д. Дмитриева, в которой автор с помощью археологических данных – памятников христианского искусства – катакомб I–III вв. – пытался подтвердить вывод т.н. мифологической школы, отрицающий историчность Христа. Объектом исследования автора являлись фрески, мозаика, и другие памятники искусства. «В первые три века христианства в искусстве христианском существовало совершенно никакого действительно исторического, конкретного индивидуального изображения личности Иисуса, не существовало даже никакого докумен-

¹⁵ АЧНУ. Л.4.

¹⁶ Архив Южного Федерального университета. Ф. р-46. Оп. 22. Д.65. Л.2.

¹⁷ Боднарюк Б. Життя і наукова діяльність історика-візантиніста Олександра Дмитрева // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Т.2 (30). Чернівці, 2010. С. 10.

¹⁸ АЧНУ. Л.33.

тального предания о внешности Иисуса», – писал А. Д. Дмитриев¹⁹. Автор задался вопросом: почему, несмотря на самые тщательные и долговременные исследования и поиски археологов, до сих пор не открыты ни одного принадлежащего начальной эпохе христианского искусства памятника с изображением аутентичного портрета Иисуса, отражающего краугольные события его жизни, каковыми являются Рождество, Смерть и Воскресение? И сам отвечал на этот вопрос: «Потому, что сам евангельский Иисус Христос был чистейшим мифом и выдумкой религиозных спекулянтов и на эту вымышленную личность только постепенно, исподволь и осторожно христианские идеологи переносили черты сказаний о богах и героях мифической древности греко-восточного мира»²⁰.

К вышеназванной примыкает следующая работа, на которой мы остановимся немного подробнее. Она посвящена деве Марии. Свою работу А. Д. Дмитриев начинает с определения того места, которое занимал культ девы Марии в христианской церкви. Лишь только после протекания первых трех веков существования христианства, как указывает автор, культе девы Марии, матери плотника из Назарета, сделался любимой темой церковных догматиков и всей церковной апокрифической литературы. Иконы, на которых изображалась дева Мария, становились «чудотворными», привлекая к себе толпы верующих.

Автор задается вопросом: жила ли дева Мария, и является ли она конкретно-исторической личностью? Для ответа на данный вопрос, автор предлагает обратиться к данным археологии, которые, по его мнению, могли бы пролить свет на историчность этого образа. И искать ответ на вопрос он предлагает в вещественных памятниках раннего христианского искусства²¹. Истоки образа богородицы автор предлагает искать не в евангельских сказаниях, которые отвергаются наукой как неподлинные и неисторичные, а в культах языческого греко-восточного мира и в мифах о языческих богинях-матерях – вавилонской Астарты, египетской Изиды, фригийской Кибелы, греческих Афродиты Урании, Артемиды-Дианы и Деметры. По словам автора, вещественные памятники древности весьма ясно свидетельствуют, что образ девы Марии воссоздавался первоначальным хри-

¹⁹ Дмитриев А. Д. Вопрос об историчности Христа в свете археологии. М., 1929. - С.32.

²⁰ Там же.

²¹ Дмитриев А. Д. Личность девы Марии в свете археологии. М., 1931. – С.5.

стианством не из действительной истории, а из запаса тех мифов сказаний и легенд о богинях-матерях, которые были широко распространены и дожили до эпохи возникновения христианства.

Первые идеологи и пропагандисты христианства абсолютно ничего не знали о внешнем виде девы Марии из Назарета, как и не знали о каких-либо обстоятельствах её жизни. В этой связи А. Д. Дмитриев приводит слова церковного автора IV в. блаженного Августина, который писал: «Мы не знаем лица девы Марии.... Но такое ли лицо было у Марии, какое представляется в уме, когда мы говорим или вспоминаем об этом, мы совсем не знаем и не убеждены. Можно сказать, сохраняя веру, может быть она имела такое лицо, может быть не такое»²². Появление икон с изображением девы Марии связано с именем евангелиста Луки, который, якобы, ещё при её жизни в Иерусалиме написал с неё портрет и сам же затем несколько раз его воспроизводил. Впервые этот факт обнаруживается у византийского писателя VI в. Феодора Анагноста, автора «Церковной истории». Опираясь на современные исследования, А. Д. Дмитриев весьма аргументировано считает этот пассаж поздней вставкой. Далее автор, обращаясь к образу святого Луки-живописца, к нашему немалому изумлению находит в нем черты легендарного античного персонажа – мастера Дедала. С течением времени мифическому Луке стали приписывать авторство многочисленных изображений богоматери на иконах. Наряду с ними возникали все новые легенды и рассказы о деве Марии.

Затем А. Д. Дмитриев переходит к изображению образа девы Марии в работах отцов церкви, приходя к выводу об отсутствии в христианской церкви её реального образа²³. Значительное место в работе занимает анализ фресок и других изображений различных богинь, которые приводит автор. На его основании автор связывает трансформацию культа *Alma mater*, который был распространен в раннехристианских общинах, в культ богоматери, девы Марии.

В заключении автор, актуализируя тему, переносит последствия распространения культа богоматери на русский и украинский народы. По словам автора, различные выдумки и фантазии, связанные с образом девы Марии, дурили и обманывали народ, сея темноту и невежество. Особенно это

²² Дмитриев А. Д. Личность девы Марии в свете археологии. М., 1931. – С. 6.

²³ Там же. С.14

касалось чудотворных икон, с помощью которых были обмануты тысячи крестьян. «За земные страдания массам открывали райские дела, сонмы святых небожителей, сверкание лучей божественного престола и над всем этим – небесную владычицу, постоянно о них-де пекущуюся и своею рукою вводящую их в райские обители после смерти», – писал автор²⁴.

Что характерно для данной работы А. Д. Дмитриева? Во-первых, блестящее знание работ отцов церкви. Здесь, по-видимому, сказались плюсы того учебного заведения, которое окончил автор. Во-вторых, он продемонстрировал столь же великолепное знание памятников материальной культуры, которые ему довелось лично наблюдать во время экспедиций, проводившихся Русским археологическим институтом в Константинополе. При этом им был собран огромный фактический материал. Ну, и нельзя не принимать в расчет весь тот значительный пласт зарубежной литературы, который был переведен на русский язык и использован автором.

Затем последовала целая серия публикаций по истории православной церкви в России.

Первой работой по антирелигиозной тематике стала монография А. Д. Дмитриева «Церковь и идея самодержавия в России». Это, пожалуй, самая фундированная из всех работ упомянутого автора по данной тематике. При написании данной работы А. Д. Дмитриев широко использовал труды античных авторов (Тацита, Дина Кассия, Диодора Сицилийского и т.д.), а также труды по истории древнего мира как германоязычных (Т. Моммзен, М. Блок, Г. Герцберг и т.д.), так и отечественных авторов (Н. И. Кареев). При написании этой работы Александр Дмитриевич широко опирался на обобщающие труды по русской истории Н. Н. Карамзина, С. И. Платонова, В. О. Ключевского и т.д. В качестве источников о российской истории фигурируют Полное собрание русских летописей, Памятники русской Словесности XII века, сочинения Максима Грека, Стоглав, Изборник Святослава и т.д. Не были проигнорированы автором и периодические издания («Церковный Вестник», «Троицкий листок», «Церковно-общественная жизнь», «Духовный Вестник» и т.д.

Свою работу А. Д. Дмитриев начинает с язычества, как основы идеи самодержавной «божьей милости», власти и её классового характера. Затем

²⁴ Дмитриев А. Д. Личность деви Марии в свете археологии. М., 1931. – С.73.

он переходит к рассмотрению процесса христианизации церковного языческого культа императора–бога и его развития на византийской почве. После этого вся оставшаяся часть работы посвящается истории Православной церкви в России – от Московского царства до начала XX века.

Основная цель автора – разоблачение той роли, которая играла РПЦ в деле «закрепощения и порабощения народных масс». Автор со всей своей силой обрушивается на православную церковь, которая, по его словам, на протяжении веков являлась орудием классового угнетения самодержавной России, направленным на закрепощение и порабощение народных масс. «При помощи духового террора, адом и загробными мучениями в выдуманном огне геенском, она весьма долго воспитывала народные массы в духе рабской покорности и смирения своим классовым угнетателям и, поддерживая народное невежество, созидала, лелеяло, возвращала, укрепляла и охраняла российскую самодержавную власть, т.е. господство помещиков и капиталистов», – писал А. Д. Дмитриев²⁵. Но главная направленность работы заключается в развенчании современных заявлений церкви о своей аполитичности и её публичных заявлений о том, что она – «служительница вечной истины», носительница «высшей божественной правды», утоли-тельница духовной жажды» и т.д. По мнению автора, её суть, её идеи на протяжении веков так и остались неизменными.

Основная цель работы «Петр I и церковь» – разоблачение Русской Православной церкви, как крупного феодала и собственника, а также надежного защитника самодержавия, которая была превращена в придаток абсолютизма. Свою работу автор начинает с кризиса церковно–политической идеологии, после чего переходит к рассмотрению положения церкви, как крупного феодала в Московском царстве, а завершает работу подчинением церкви Петром I и определением роли церкви в новых условиях.

Уже в этой работе А. Д. Дмитриев выступает с марксистских позиций. Так, рассматривая эпоху Петра I, в которую Московское государство превратилось в «европеизированную великую военную и морскую державу», он отмечает, что не Петр I являлся создателем «новой России», не его «гениальная личность», а «неизбежный ход экономического развития и новые производственные отношения сделали возможными, подготовили и поро-

²⁵ Дмитриев А. Д. Церковь и идея самодержавия в России. М., 1930. – С. 4.

дили новый порядок вещей»²⁶. Что же касается самого Петра I, то он был только реальным воплощением классового торжества определенных социальных сил. И далее автор завершает свою мысль весьма образным выражением: «Он только ковал своими тяжелыми ударами то железо, которое уже было раскалено до него в процессе длительной классовой борьбе»²⁷. Рассматривая развитие страны к началу XVIII в., автор видит постепенное исчезновение старой феодальной организации и старого феодального быта и выдвижение на первые роли крупного торгового капитала, проникнутого новыми капиталистическими тенденциями. Роли и месту православной церкви в этих новых условиях посвящена первая глава работы. «При крушении старых традиций и форм феодальной Руси видоизменяется у новых господствующих классов и самый взгляд на роль и задачи церковной организации», – отмечает автор²⁸. Церковь, хотя и выступала идеологической «броней» (*выражение А. Д. Дмитрева – С. К.*) московского самодержавия, была вынуждена столкнуться с интересами новых нарождающихся общественных сил – дворянства и торгового люда. Перед торговыми людьми, как бельмо в глазу, стояло привилегированное церковное землевладение и мешало им с успехом пополнять «животы и промыслы». Дворянская знать протягивала свои руки к обширным вотчинам церкви, где на церковных землях государственного тягла находился неисчерпаемый источник даровой рабочей силы. Экономическая политика торгово–дворянской самодержавной монархии, по словам автора, ставила на очередь вопрос о церковно–монастырском землевладении²⁹. Но и церковь не собиралась отказываться от своего имущества. Она оказала яростное сопротивление любым попыткам покуситься на её собственность, что нашло отражение в церковной полемике, выразившейся в проявлении ненависти к иноземцам, науке, новым обычаям.

В результате этого Петр I начал борьбу с церковным феодализмом. Он начал уничтожение всех привилегий духовенства, запретил им покупку новых земель, отменил все их права на сбор каких–либо пошлин, уничтожил и все их судебные привилегии.

²⁶ Дмитрев А. Д. Петр I и церковь. М.-Л., 1931. - С.3.

²⁷ Там же. С.3.

²⁸ Там же. С.9.

²⁹ Там же. С. 11.

По мнению автора, на это имелись и объективные основания. «Полное невежество, пьянство беспросыпное и ужасающее – вот отличительные черты русского православного духовенства Петровской эпохи. Это была армия хмельная, буйная и страшная по своему поведению, действовавшая явно отрицательно на религиозно-настроенных людей и непригодная для того, чтобы удерживать в повиновении и «страхе господнем» угнетенных. Многие из попов были совершенно безграмотны и не умели связать двух слов»³⁰. В силу этих причин абсолютизму была необходима перестройка идеологического аппарата, в которой важная роль была отведена Феофану Прокоповичу. Проведенная им реорганизация церковно-административного управления превратила церковь в чисто служебную политическую силу. Управлением церковью полностью передавалось в руки государства. На смену патриаршеству – оплоту отжившего феодализма – учреждалась духовная коллегия, которая, по сути, являлась государственным учреждением. Автор обращает внимание и на те чисто охранительные функции, которые обрела РПЦ. Так, Синод отменил тайну исповеди: все «духовные пастыри» должны были неукоснительно доносить Преображенскому приказу и тайной канцелярии о сообщенных на исповеди «злодейственных намерениях». Вывод автора о том, что в период развернувшегося владычества помещиков и капиталистов завершается и закрепляется длительный процесс приспособления церкви к новой социально-политической обстановке», в принципе, не вызывает особых возражений.

Некоторое сомнение вызывает мнение автора о том, что «...после Петровских реформ церковь делается крупнейшим помещиком и капиталистом»³¹. Во-первых, все это опровергает весь ход предыдущих рассуждений автора, где он ведет речь о секуляризации церковных земель и иного церковного имущества; во-вторых, для подтверждения своего вывода автор почему-то оперирует данными аж начала XX века.

При написании данной работы А. Д. Дмитриев использовал обширную литературу – труды Ф. Терновского³², П. Морозова³³, А. Пыпина³⁴, М. Рейснера³⁵, П. Верховского³⁶, П. Знаменского³⁷ и т.д.

³⁰ Дмитриев А. Д. Петр I и церковь. М.-Л., 1931. – С.34

³¹ Там же. С.87.

³² Терновский Ф. Русское проповедничество при Петре I. Киев, 1870.

³³ Морозов П. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.

³⁴ Пыпин А. История русской литературы. Т.II. СПб., 1911.

Следующая работа А. Д. Дмитриева посвящена той роли, которую играла РПЦ в процессе закрепощения и угнетения крестьянства на Руси. Актуальность рассматриваемой темы автор обосновывает тем, что РПЦ на Руси была одним из крупнейших землевладельцев-помещиков, постепенно сконцентрировавшим в своих руках значительное количество земельного фонда страны. По словам автора, «...православная церковь с первого момента своего появления сразу же выступает как новый хищный эксплуататор, а её смиренные служители – митрополиты и епископы... сразу же выделяются в особое привилегированное сословие и становятся в ранг господствующих классов, эксплуатирующих крестьянство для собственного земного благополучия»³⁸. Рассматривая историю зарождения и возникновения церковного землевладения на Руси, автор приходит на первый взгляд, к парадоксальному, выводу о том, что именно в период татаро-монгольского нашествия происходит накопление и увеличение земельного фонда церкви, и причиной этому явилось разорение и гибель мелкого крестьянского землевладения.

А. Д. Дмитриев приводит интересные и малоизвестные факты о той чудовищной эксплуатации и тем истязаниям, которым подвергались зависимые крестьяне на монастырских землях. Если на землях светских помещиков крестьяне обычно отбывали 3-х дневную барщину, то в церковно-монастырских имениях крестьяне обычно отбывали барщину о 5 дней в неделю, которая зимой достигала по 12–14 часов, а летом – по 16 часов в сутки. Указания церковного начальства своим управляющим предписывали прежде всего, наказывать крестьян за «нерадение и лень». За её проявление крестьяне подвергались самым жестоким наказаниям, вплоть до избивания батогами. Так, архимандрит Троице-Сергиевой лавры Георгий Дашков (первая половина XVIII в.) кормил своих лошадей печеным хлебом, тогда как крепостных людей морил голодом. Не отставал от него ростовский митрополит Арсений Мацеевич, который всегда носил с собой т.н. «кошечки», которыми избивал провинившихся крестьян. А. Д. Дмитриев приводит и другие подобные случаи. Любые формы социального протеста подавлялись

³⁵ Рейснер М. Государство и верующая личность. Сб., 1905.

³⁶ Верховский П. Учреждение Духовной коллегии. Ростов-на-Дону, 1916.

³⁷ Знаменский П. Приходское духовенство после реформы Петра I. Казань, 1883.

³⁸ Дмитриев А. Д. Церковь и крестьянство на Руси. М., 1931. – С. 3.

самым жестоким образом. Людей, которые выступали против церковного гнета, церковь призывала «жечь да вешати». Так, в Москве в клетке сожгли Ивана Волка, Курицына, Ивана Максимова и Митю Пустоселова³⁹. Именно ожесточенная борьба церкви с трудящимися, по мнению автора, в полной мере вскрывает во всю ширь истинную сущность и природу «церкви любви и милосердия».

По словам автора, даже после реформы 1861 г. правительство продолжало раздавать церкви земельные участки. Так, в 1871 г. чуркинская общежительная Николаевская пустынь в Астраханской губернии получила от правительства не только прекрасные рыбные ловли, но ещё и 12 000 десятин пахотной и луговой земли⁴⁰.

Единственным препятствием дальнейшему росту церковного землевладения явилось служилое сословие, которое начало постепенно исчезать. Но поскольку служилые люди, теряя свои поместья, не могли служить государству, последнее вступило на защиту их интересов и предприняло ряд вынужденных мер, защищающих их от поглощения церковными вотчинами. Таким образом, для А. Д. Дмитрева, РПЦ – это жестокий феодальный эксплуататор, беспощадно угнетающий крепостных крестьян.

И эта работа опирается на солидную источниковую и историографическую базу – Отчеты обер-прокурора Синода, работы известных дореволюционных историков М. Попова⁴¹, А. Лебедева⁴², А. Никитского⁴³ и т.д.

В поле зрения А. Д. Дмитрева оказался и ещё один аспект деятельности православной церкви – её поддержка и участие в интервенции против Советской России, которому он освятил отдельную монографию⁴⁴. Написание данной работы потребовало от А. Д. Дмитрева глубокого знания современной ему международной обстановки, истории гражданской войны в России и даже подробностей идеологической работы священников в армиях капиталистических стран. Но, конечно же, главный вопрос, который ученый ставит в своей работе – участие церкви, как православной, так и католической, в подготовке интервенции против СССР. По словам автора,

³⁹ Дмитрев А. Д. Церковь и крестьянство на Руси. М., 1931. С.51.

⁴⁰ Дмитрев А. Д. Церковь и крестьянство на Руси. М., 1931. С.10. При этом А. Д. Дмитрев ссылается на Отчеты обер-прокурора Синода за 1859–1860, 1868–1869, 1870 годы.

⁴¹ Попов М. Арсений Мацеевич и его дело. СПб., 1912

⁴² Лебедев А. Вотчинный быт монастырей по архивным документам. Харьков, 1892.

⁴³ Никитский А. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1899.

⁴⁴ Дмитрев А. Д. Подготовка интервенции против СССР и церковь. М., 1932.

именно католицизм является верным союзником империализма в борьбе против нашей страны. Ватикан стал организатором подготовки крестового похода против СССР.

В этом неблагодарном деле союзником католицизма выступили и находившиеся в эмиграции представители русской православной церкви. Именно последние взяли на себя роль идейных вдохновителей всей русской белогвардейщины в её стремлениях к походу против СССР. Русские церковники принимали самое активное участие во всех военных и гражданских организациях белогвардейцев и предоставляли к их услугам свои церковные здания. Такое имело место на территории Китая (в Пекине, Шанхае и Харбине), так и на территории Франции и Бельгии. Во Франции митрополит Евлогий даже сочинил специальную молитву, пронизанную духом реванша и идеей «священной борьбы». По словам А. Д. Дмитрева, «местные православные священники стоят во главе белогвардейского агитпропа, подводят под готовящуюся интервенцию «морально-религиозное обоснование», раздувают пламя «священной войны», освящают ссылками на бога сокрушение большевизма и служат молебны о даровании скорой победы «русскому христолюбивому братству»⁴⁵.

В самой же России белогвардейцы с помощью православных священников надеются воздействовать на «православную душу» русского рабочего и трудового крестьянства и повернуть их против власти «безбожных большевиков». Ставка делается на невежество и темноту, в которых власти долгое время держало трудящиеся массы.

А. Д. Дмитрев указывает также нам провокационную роль «церковников-эмигрантов», которые выступали поджигателями войны. Именно они пытались сорвать все мирные переговоры СССР с капиталистическими странами, тем самым, приближая сроки намечаемой интервенции.

Автор рассматривает также различные религиозные организации, существующие внутри СССР, и их деятельность.

Как можно заметить, интересные факты, которые автор почерпнул из различных источников, перемежаются с откровенными агитационными лозунгами большевиков. «В ответ на бешенную работу церковников в деле идеологической подготовки интервенции трудящиеся СССР отвечают мас-

⁴⁵ Дмитрев А. Д. Подготовка интервенции против СССР и церковь. М., 1932. – С. 49.

совым отходом от религии, выполнением и перевыполнением промфинпланов, проведением сплошной коллективизации и ликвидации остатков капиталистических классов, дальнейшим развитием социалистического соревнования и ударничества, усилением обороноспособности СССР, укреплением братских связей с трудящимися всего мира», – такими словами завершает свою работу А. Д. Дмитриев⁴⁶.

Тему церковного навета А. Д. Дмитриев поднимает в другой своей книге, тематически примыкающей к предыдущим его трудам. В указанной работе автор рассматривает истоки навета, первые наветы на христиан, приводит причины и примеры гонений на евреев, в том числе и в царской России, отдельно рассматривает дело Бейлиса.

Свою работу автор начинает с определения понятия «навет». Кровавый навет, по его мнению, «ложное обвинение в религиозно-обрядовом или ритуальном убийстве людей, якобы, в целях добывания их крови и употребления её в пищу, является одним из самых преступных и отвратительных агитационных средств, при помощи которых помещики и капиталисты проводили свою политику разъединения трудящихся, развращения и затемнения их классового сознания, и разжигали в них национальную нетерпимость для того, чтобы отвлечь народные массы от классовой борьбы с угнетателями»⁴⁷. Как историк древнего мира, свой труд А. Д. Дмитриев, начинает с истоков зарождения идеи кровавого навета. Они являлись неотъемлемым элементом всех земледельческих первобытных культур, и древняя история дает многочисленные примеры подобных магических обрядов причащения телом и кровью убитого человека. В Древней Месопотамии для того, чтобы умиловать богов покровителей земледелия, закалывали новорожденных детей. Подобный обычай был и в Финикии. Древнегреческий историк Геродот передает поистине жуткий рассказ о том, что греческие и карийские наемники египетского фараона Псамметиха убивали детей, кровь их смешивали с вином и водой, и потом выпивали эту смесь, чтобы обрести твердость духа на полях сражений (Herod. III. 2). Подобный дикий обычай существовал и у древних мексиканцев, когда во время созревания маиса в жертву приносили юношу или девушку, пили кровь убитых и

⁴⁶ Дмитриев А. Д. Подготовка интервенции против СССР и церковь. М., 1932. – С. 54.

⁴⁷ Дмитриев А. Д. Кровавый навет и христианская церковь. М., 1932. – С. 2.

её же обрызгивали семена и первые всходы маиса; мясо жертв разрезали на кусочки, которое съедалось присутствующими.

Из этих же восточных религий христианство заимствовало и обряд причащения или евхаристии. Оно выдвинуло первоначально идею магического вкушения подлинной крови и подлинного тела Иисуса, сделало человеческое жертвоприношение центральным пунктом своего вероучения. В своих работах идеологи раннего христианства с упорством убеждали верующих, что их евхаристический хлеб и вино – живое человеческое тело и живая человеческая кровь. В идеологии важнейшего обряда христианской религии созрела легенда о ритуальном убийстве детей и об употреблении их крови в пищу. Жрецы, пророки, чудотворцы окружали таинственным ужасом обряд причащения и различными мистификациями, фокусами стремились убедить верующих, что они едят подлинное мясо и подлинную кровь своего спасителя. Первые наветы на христиан относятся ко II в. и отражали борьбу за общинное имущество между епископатом и рядовыми общинниками. В процессе этой борьбы и была пущена в ход легенда о кровавом причащении: обвинение в употреблении человеческой крови при евхаристии в руках епископов стало мощным оружием для уничтожения противников их власти – гностические секты и т.н. монтанизм.

С XII в. наряду с ложными обвинениями христианских сектантов в ритуальных убийствах детей и причащения их кровью, подобные же обвинения появляются и против евреев. В основе кровавого навета против евреев лежала экономическая борьба между католической церковью и крупным еврейским торговым и ростовщическим капиталом. И для подтверждения данного тезиса А. Д. Дмитриев приводит многочисленные факты, свидетельствующие о значительных богатствах католической церкви в средние века⁴⁸. Реальным конкурентом ей выступал еврейский торгово-купеческий капитал, против представителей которого и было использовано новое оружие – кровавый навет. И гонения на евреев со стороны католической церкви, начавшиеся в средние века, продолжались вплоть до начала XX века. Позднее к подобным гонениям присоединилась и православная церковь. Пример тому – та история, которая была раздута как католическими, так и православными священниками по делу убитого в Киеве Андрея Ющинско-

⁴⁸ Дмитриев А. Д. Кровавый навет и христианская церковь. М., 1932. – С. 18–20.

го, в убийстве которого обвинили евреев. Особенно антиеврейская истерия усилилась в период назревания революционного движения. Не проходило буквально дня, чтобы в том или другом случае агитаторы и агенты царской охранки по всякому вздорному поводу, а то и без всякого повода, сеяли слухи о ритуальном убийстве, сопровождавшиеся народным возмущением и готовностью к погромам. Так, черносотенный листок «Волинская земля», редактируемый архимандритом Виталием, печатал сообщения о мнимых исчезновениях христианских мальчиков. Так искусственно создавалась обстановка и поддерживалась погромная атмосфера «темными силами царизма», в «зверином страхе перед революцией»⁴⁹. И во главе этих темных сил шла церковь. Даже в ходе самой революции в 1917 г. в Могилеве священники, чтобы привлечь в белогвардейскую армию крестьянские массы, воскресили миф и вели пропаганду о том, что «жиды захватили власть» и будут красть детей, резать их и употреблять их кровь в пищу вместе с мацой. А. Д. Дмитриев завершает свою работу гимном советской национальной политике, которая «изгнала навсегда кровавые туманы национально-религиозной ненависти, без искусственного насаждения которых помещики и капиталисты не могут жить, трудящиеся ясно увидели, что все поповские сказки о мнимой жажде евреями христианской крови лишь дурачили и околпачивали их, чтобы отвлечь их гнев от тех, кто действительно на протяжении долгого времени сидел на шее рабочих и крестьян, кто путем жестокой эксплуатации их труда действительно вытягивал из них все жилы и высасывал всю кровь»⁵⁰.

Завершает серию работ по антирелигиозной тематике монография А. Д. Дмитриева об инквизиции в России. В центре внимания автора такие вопросы, борьба инквизиции с ересями, борьба с расколом и раскольниками, разновидности пыток и казней, исследование методов инквизиции по насаждению христианства, а также гонения церкви на науку и просвещение.

Эту работу, как и все предшествующие, автор начинает с формулировки понятия. По его словам, под инквизицией понимают «особый судебнополицейский аппарат католической церкви, созданный для истребления т.н. еретиков. В общем механизме средневекового феодальнокрепостнического государства этот аппарат был одним из самых позорных

⁴⁹ Дмитриев А. Д. Кровавый навет и христианская церковь. М., 1932. – С.69–70.

⁵⁰ Там же. С. 71.

орудий, при помощи которого католическая церковь уничтожала своих политических врагов и утверждала свой авторитет».⁵¹

Автор пришёл к выводу, что инквизиция принадлежит не одной католической церкви. И протестантству, и православию, хотя у них не было формально института инквизиции, свойственны были те же методы действия⁵².

Как историк-антиковед, автор в поисках истоков нетерпимости снова делает экскурс в раннюю историю христианства. По его словам, именно император Феодосий I (379–395 гг.) первым сделал принцип исповедания христианской государственной религии в качестве необходимого условия единства империи и политической благонадежности подданных. Эдиктом 380 г. истинной и допустимой была объявлена только одна христианская вера в том её виде, в каком она была разработана государственной верхушкой церкви. Это официальное учение было названо православием, а все другие религиозные течения были объявлены «еретическими» или «языческими» и были полностью запрещены. Вот против них впервые христианские иерархи и повели непримиримую борьбу, используя пытки, тюрьмы и казни. Инквизиционная практика русской православной церкви протекала в иных формах, чем в католической церкви. В России «несмотря на ожесточённую борьбу с еретиками, специально инквизиционного аппарата не создавалось», т.к. в системе русского феодализма церковь не занимала главенствующего положения, так как это было на Западе. Однако автор приводит яркие исторические примеры уничтожения православными своих иноверцев. Первым борцом с еретиками в Новгороде автор называет архиепископа Геннадия Гонозова. По его словам, это был «настоящий инквизитор, не останавливающийся ни перед чем для искоренения противников феодальной церкви»⁵³. Особое восхищение у Гонозова вызывала испанская инквизиция. Действия Торквемады он предлагал использовать в качестве примера и распространить на Руси. Своих противников на епископском дворе он подвергал мучительным пыткам.

Настоящим инквизитором так же проявил себя игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин, сын богатого вотчинника. Фанатический

⁵¹ Дмитриев А. Д. Инквизиция в России. М., 1937. С. 3.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С.28.

защитник неприкосновенности церковно–монастырской собственности, он явился вместе с тем и фанатическим гонителем всех тех, кто восставал против неё», – характеризовал его автор монографии⁵⁴.

Одним из идеологов религиозной нетерпимости А. Д. Дмитриев называет Иосифа Волоцкого, который произносил горячие проповеди в защиту массовых казней еретиков. В своем сочинении под названием «Просветитель», он, со ссылкой на священное писание, пытался оправдать и юридически, и догматически, казни еретиков. В этом А. Д. Дмитриев видит «стремление русской инквизиции возвести казнь в догму, освятить её авторитетом бога и распространить поголовно на всех еретиков».⁵⁵

В своей работе автор приводит примеры кровавых расправ с «еретиками». Так в начале XVI в. В Москве были сожжены в клетках противники церковно-монастырского землевладения Иван Волк, Федор Курицын, Иван Максимов, Митя Пустоселов. В Новгороде были сожжены Некрас Рукавов, Ивашко Самочерный и многие другие. Ярким инквизитором себя показал московский митрополит Даниил, который призывал светские власти к жестоким расправам с еретиками⁵⁶.

И как мы видим, ярость российской инквизиции была направлена, в первую очередь, против тех, кто покушался именно на главную основу русской православной церкви – церковно-монастырское землевладение. В этом случае даже спорные догматические вопросы отходили как бы на второй план.

Но одновременно это не исключало и борьбу с отступниками от догматического учения, что нашло свое отражение в борьбе с т.н. раскольниками. И здесь А. Д. Дмитриев вновь обращается к излюбленной и хорошо изученной им проблемы – изобличения церкви как крупнейшего феодала и собственника. Именно патриарх Никон является для него олицетворением «хищничества и жадности». Автор приводит многочисленные случаи последствий преследований раскольников, которые выразились в массовых самосожжениях (т.н. «гари»). Здесь автор, естественно, приводит хорошо ему знакомые факты из истории античного мира, проводя параллели с самоубийствами «еретиков» – донатистов в Северной Африки в IV в., а также

⁵⁴ Дмитриев А. Д. Инквизиция в России. М., 1937. – С.30.

⁵⁵ Там же. С.31.

⁵⁶ Там же. С. 33.

альбигойцами в средние века, которые решались на массовые самоубийства во избежание от мучительных пыток и жестоких казней.

Завершающий раздел работы посвящен тем гонениям, которым православная церковь подвергала науку и образование. В XVII в. московское духовенство выступило настоящим духовным цензором, сжигая на кострах неугодные ей сочинения. Духовная цензура, по словам автора, обладала большими полномочиями. И хотя по действующим законам она должна была ограничиваться рассмотрением церковно-религиозной литературы, на деле её полномочия простирались гораздо шире. Духовная цензура распространялась на все работы, затрагивающие философские вопросы, проблемы взаимоотношений науки и религии, вопросы происхождения вселенной, системы Коперника и т.д. Церковная цензура истребляла тысячи книг, в которых содержались хоть малейшие отклонения от учения православной церкви. Непримирым врагом созданной Академии Наук выступил синод. Так в 1735 г. он резко выступил против планируемого Академией издания летописей. Гонениям подвергались труды таких просветителей, как Кантемир, Тредьяковский, Ломоносов и многие другие.

Думается, что после даже беглого ознакомления с подобной литературой у читателя не останется никаких добрых чувств по отношению к православной церкви.

Общий объем публикаций профессора А. Д. Дмитрева по антирелигиозной тематике составил 40 печатных листов⁵⁷.

И хотя эти работы А. Д. Дмитрева должны были служить одной цели – антирелигиозной пропаганде, это были отнюдь не примитивные брошюры, доказывающие, что религия – опиум для народа, а глубокие труды, опирающиеся на широкую источниковую базу. Написанию каждой такой работы предшествовало скрупулезное изучение значительного пласта литературы и источников. Действительно, в лице А. Д. Дмитрева церковь получила активного, но главное – грамотного и весьма квалифицированного критика. Бросается в глаза умелое и искусное сочетание интересных и ярких фактов с одной стороны, и громких коммунистических лозунгов, звучащих к тому же из уст беспартийного человека, с другой. Но парадокс ситуации заключается в другом: человек, родившийся в набожной, глубоко

⁵⁷ Архив Южного Федерального университета. Ф. р-46. Оп.22. Д.65. Л.4.

верующей семье, сам окончивший Духовную академию, вдруг становится яростным критиком христианства. Искренним ли был его воинствующий атеизм? Боюсь, что ответы на эти вопросы мы уже никогда не получим....

3. История Украины в трудах А. Д. Дмитрева

Параллельно с работами на антирелигиозную тематику, в начале 30-х годов А. Д. Дмитрев издаёт серию небольших брошюр по истории Украины, что вполне понятно: работая в Киеве, он не мог не обратиться к истории её национально-освободительного движения. И это было в духе того времени. Эти работы посвящены одной теме – национально-освободительной борьбе украинского народа XVII – начала XVIII вв. Все они вышли практически одновременно, поэтому их краткий обзор целесообразно начать с тех, где рассматриваются более ранние события.

Первая работа учёного посвящена событиям XVII века, когда на Украине в 1648 г. вспыхнула, по словам автора, «крестьянская революция», известная в истории под названием «Хмельничина». Своё название она получила от имени казацкого офицера, чигиринского сотника Богдана Хмельницкого, который был выдвинут на место вождя. «Революционный шквал, пронёсшийся тогда над Украиной, с необыкновенной быстротой и неудержимой силой охватил собой весь край. От края до края вся Украина, и восточная, и западная, встрепенулась тогда от своего боевого лозунга – уничтожение крепостного рабства – весь угнетённый украинский народ», – писал А. Д. Дмитрев⁵⁸. Действительно в тот момент, крестьянские массы выступили против своих помещиков на таком пространстве и на таком количестве, как никогда ранее. Автор пытается актуализировать проблему, связывая вспыхнувшее восстание с революционными событиями 1917 г. Восстание было успешным – и в восточной, и в приднепровской Украине были сметены до основания и власть панов-помещиков, и крепостная зависимость. Однако, как пишет автор, «во главе восставших тогда крестьян стали чуждые классы, заклятые враги в лице казацких гетманов, полковников и сотников, которые не допустили народ до полного торже-

⁵⁸ Дмитрев А. Д. Хмельничина. М., 1934. – С.3.

ства. Они совсем были далеки от боевого крестьянского лозунга, боялись полного торжества угнетённого народа и руками восставших старались только загрести себе жар»⁵⁹. По мнению автора, после того, как враги народа добились того, чего хотели, «они предали революцию и выдали её на удушение панам». И далее вновь марксистское обоснование произошедшего: «в то время, когда разыгралась Хмельничина, в условиях XVII в. не было и не могло не быть отдельного организованного рабочего класса с его коммунистической партией, способного, как в наше время, стать во главе восстания, организовать победу и закрепить её навсегда. И именно потому, что крестьянские массы ещё не имели тогда своего классового руководителя – пролетариата, вспыхнувшую тогда революцию мог использовать чигиринский сотник Богдан Хмельницкий, бывший час таким же помещиком–землевладельцем, против которых, собственно, и поднялся народ. То, что на Украине в тот момент ещё не было пролетариата, и то, что чуждый интересам крестьян Хмельницкий мог использовать это движение в своих интересах, заранее обрекало его на поражение.

Историю Хмельничины автор начинает с рассмотрения истории Украины первой половины XVI века. Ещё в первой половине XVI в. почти все восточно-украинские земли, входившие в то время в состав Польско-Литовского государства, представляли собой дикие, незаселенные пространства. В эти восточные степные части Украины с запада разными путями и способами пробирались крестьянские массы, а вслед за ними шли паны–помещики.

Рассматривая вопрос, что реально дала крестьянам Украины Хмельничина, автор пишет, что она «смела с лица земли крупное польско–украинское землевладение и освободила крестьян из–под власти родовитых и богатых панов»⁶⁰. Но вместо диктатуры знатных и богатых панов с помощью царской Москвы не замедлила прийти диктатура разбогатевших и выбившихся в паны казаков в лице гетмана и казачьей старшины.

Автор не скрывает своего отношения к Б. Хмельницкому. Оно резко отрицательное. Целый раздел работы назван «Предательство Хмельницкого».

В результате всеобщего восстания украинского крестьянства в 1648 г. польская армия была истреблена, её главные предводители взяты в плен,

⁵⁹ Дмитрев А. Д. Хмельничина. М., 1934. – С.3.

⁶⁰ Там же. С.61.

паны изгнаны со всей Украины, и народ торжествовал свою победу. Перед восставшими уже лежала совершенной открытая Польша, где народ также был готово присоединиться к всеобщему восстанию. Победы украинского народа вселили и в польском народе надежду на скорое освобождение от панов и там началось, по словам А. Д. Дмитрева, «широкое революционное движение под лозунгами свержения крепостного ига»⁶¹.

Что делает Богдан Хмельницкий? Несмотря на величайшее воодушевление угнетённых, и их непреклонную готовность продолжить борьбу до полного уничтожения крепостников, несмотря на полную беспомощность панов перед могучим движением народных масс, он прилагает все старания к тому, чтобы прекратить борьбу, помириться с панами. Он располагается лагерем у Белой Церкви и спешит обратиться к королю с просьбой о прощении. Он выражает королю свои «верноподданнические чувства» и готовность жертвовать жизнью за панов. В своих письмах в Варшаву, посылаемых через многочисленных курьеров, он клянётся в верности панам и называет себя и свою старшину «верными их слугами». В доказательство своей верности Хмельницкий принимает меры к ликвидации восстания и начинает открыто действовать против крестьянских отрядов. Он вызывает к себе главных вождей крестьян и под страхом смертной казни за послушание приказывает им прекратить борьбу с панами, распустить свои отряды и принудить крестьян браться за прежний подневольный труд. Результатом стало убийство атамана М. Кривоноса⁶².

Разделавшись с главным предводителем крестьянского восстания, Хмельницкий, по словам А. Д. Дмитрева, рассылает приказы против дальнейшей борьбы, распускает все крестьянские отряды из своей армии по домам для работы и платы податей. Он выдаёт помещикам охранные грамоты для защиты от нападений крестьян.

И вновь автор свободно оперирует модными в те времена понятиями «революция» и «контрреволюция». «Не успела закрепить крестьянская революция свою победу, как мы уже видимо контрреволюционные попытки Хмельницкого помириться с панами во чтобы то ни стало и совместными силами загасить революционный пожар. Опираясь на полковников и сотников, которых он разослал по городам и местечкам, после изгнания пан-

⁶¹ Дмитрев А. Д. Хмельничина. М., 1934. – С.43.

⁶² Там же. С.43–44.

ской власти, он открыто выступает против революционных крестьянских войск. Он явно предаёт революцию и не допускаете восставшие массы до окончательного разгрома панов... Однако вопреки всем мерам, революция росла, охватывала собой всё более и более широкие районы, и борьба шла на смерть, за полную победу и уничтожение классового врага»⁶³. Таким образом, автор подводит нас к мысли, что для Хмельницкого важней был союз с польскими панами, нежели своим народом. И добившись уступок от польских магнатов, он стал на путь свёртывания национально-освободительной борьбы. И договор, заключённый 9 августа 1649 г. сохранил в неприкосновенности крепостнический тот строй, против которого восстал украинский народ.

Сам Хмельницкий получил большие личные выгоды от этого договора. Он оставил за собой богатое местечко Млиев и город Чигирин с округом, доставлявшие ему немалые доходы. Чигиринский полк, набранный из богатых казаков, составлял его личную охрану. Три тысячи татар, были его телохранителями и стерегли его здоровье и покой от покушений черни. Попы, старшины и купечество в каждом городе встречали его как национального героя, с хлебом-солью и приветствовали его как освободителя от польской неволи.

По мнению, А. Д. Дмитрева, Богдан Хмельницкий превратился в настоящего диктатора. «Его штаб, носивший название «генеральской старшины», сделался исключительно исполнительным органом, этого диктатора. Начальниками крупных округов были полковники, а более мелких – сотники. Эта военная диктатура захватила в свои руки всю политическую власть и свела на нет все завоевания крестьянской революции. Путём бесконечных предательство и продажи угнетённых масс, она, наконец, вполне достигла того, чего так долго добивалась от польских панов.

Достаётся от А. Д. Дмитрева и московскому царю. «Московский царь, нуждаясь в военной помощи, закрепил за казацкой старшиной «на вечные времена» все приобретённые права и имения, которые она успела прибрать к рукам во время революции. Статья 7-я Переяславского договора прямо говорила: «Имений казацких никто да не отнимет, и остаются у них из рода в род!»⁶⁴. Сам гетман получил львиную долю. Царь утвердил за

⁶³ Дмитрев А. Д. Хмельничина. М., 1934. – С.45.

⁶⁴ Там же. С.61.

ним все те имения, которые он приобрёл до восстания и во время его. Все эти имения в совокупности занимали огромную площадь и давали ему значительные доходы.

Не отставала, по словам А. Д. Дмитриева, от него и казацкая старшина. За верное служение ему царь наделил её огромным земельным имуществом с городами, селами и местечками и предоставил ей права «самого быть вольными в своих подданных, по своему усмотрению владеть и управлять ими, и детям, и наследникам их, и чтобы никто до их подданных кроме их, и их наследников их, никаких дела не имел на вечные времена»⁶⁵. Наконец, все реестровые казаки-богатеи, сподвижники и ближайшие помощники Хмельницкого, также получали города, местечки и села с крестьянами и всеми угодьями.

Таким образом, с помощью московского царя Богдан Хмельницкий и его сподвижники заняли места изгнанных народом польских панов и стали помещиками–крепостниками. В стране, где только что ценой потоков крестьянской крови было сметено крупное панское землевладение, появились новые паны, прибравшие также панские права и подданных – крестьян.

Резкой критике со стороны автора подвергается и православное духовенство. «Православные монастыри, бывшие до революции крупными поместьями, сохранили своим имения на обоих берегах Днепра»⁶⁶.

Однако, по мнению автора, и часть крестьян на время смогла стать свободными земледельцами. Лишившись своих прежних хозяев, земли первое время лежали без присмотра и в таком количестве, что «разбегались глаза. Огромными имениями Вишневецкого, Конецпольского, Потоцких, разгромленными до основания, по праву революции завладели крестьяне» (там же). Поле же передачи Украины в подданство московского царя бывшие имения польских панов в большинстве своём превратились в вольные местечки и сёла, а бывшие панские подданные стали вольными землевладельцами.

Однако эта воля, завоеванная кровью, как указывает автор, длилась недолго. Хотя крестьяне имели свои земельные участки, но вся земля их считалась войсковой, и право их владения зависело всецело от гетмана и его приближённых. А гетманы, начиная с Богдана Хмельницкого, в самых

⁶⁵ Дмитриев А. Д. Хмельничина. М., 1934. – С.62.

⁶⁶ Там же. С.63.

широких размерах стали раздавать за службу, за услуги, за деньги своим родственникам, приятелям, монастырям, попам и т.д. Вместе с такой раздачей гетманы отдавали в «подданство» и «послужение» и крестьян, сидевших на этих землях.

Таким образом, по мнению А. Д. Дмитриева, под защитой гетманской власти на необозримых пространствах Украины вновь стали появляться крупнейшие помещичьи имения и новые богатые и знатные паны, которые приобрели право над крестьянским населением.

Таким образом, всё стало на круги своя: с одной стороны, образовался класс новых помещиков, с другой – быстро увеличилось число безземельных и закрепощённых крестьян, которые по-прежнему должны были работать на своих господ. Только господа переменились и стали другими по национальности и по имени. То уже были не Вишневецкие, не Потоцкие, не и Конецпольские, которые так безжалостно истребляли поднимавшихся за свою свободу крестьян. Это были уже свои родные, православно-национальные «самостийные» крепостники. Но они также, как и польские магнаты, не стеснялись эксплуатировать и угнетать украинское крестьянство.

Так, в конечном счёте, почти шестилетняя героическая борьба украинского народа ничего ему не дала. А. Д. Дмитриев сурово обличает главарей освободительного движения, по вине которых целиком сохранились те же порядки, против которых восставал и шёл умирать украинский народ. Сломив силу крестьянского сопротивления, московские войска, казацкая старшина с помощью царского самодержавия полностью восстановила крепостнический строй.

Следующей работой, которая продолжила серию трудов А. Д. Дмитриева по национально-освободительному движению на Украине, была его монография «Колиивщина».

Колиивщиной называлось одно из самых крупных крестьянских восстаний во второй половине XVIII века. Своё название она получила потому, что отряды крестьян в своём большинстве были вооружены простыми, заострёнными с двух сторон деревянными кольями. С этим оружием, объединённые общим желанием освободиться от крепостного ига, они шли на кровавую борьбу против своих классовых врагов – помещиков. Сами

восставшие называли себя «колиями», от слова колоть, истреблять, а отсюда всё это восстание стало называться «колиивщиной».

«В истории революционных крестьянских движений XVIII в. колиивщина занимает видное место и представляет нам одну из самых ярких страниц классовой борьбы угнетённых со своими угнетателями... Оно является лишь отдельным моментом той продолжительной и упорной борьбы, которую вели на Правобережной Украине с польскими панами гайдамаки», – характеризую колиивщину, писал А. Д. Дмитрев⁶⁷.

Это движение автор рассматривает как последнюю большую вспышку гайдамачины на Правобережье. В то время правобережная Украина входила в состав Польши, и всеми землями там владели польские магнаты. Кроме экономического угнетения, кроме крепостной неволи, крестьяне правобережья испытывали ещё и угнетение национальное. Польские помещики всё время стремились к тому, чтобы совсем ополячить своих украинских крестьян, и тем прочнее утвердить своё господство на украинской земле. Поэтому они насильно, под страхом наказаний и пыток, навязывали крестьянам свою польскую католическую веру и преследовали их за то, что они не хотели исполнять церковных обрядов у польских ксёндзов и униатских попов.

Но автор не делает различий между католическим униатским и православным духовенством: оно для него всё является реакционной и враждебной народу силой. «Национально-освободительное движение ...дало возможность православному украинскому духовенству использовать в своих интересах крестьянские возмущения против панов-крепостников, путём разжигания национальной и религиозной вражды не только в польском, но и к еврейскому народу направить это возмущение по ложному пути борьбы за православную веру и украинскую «народность»⁶⁸.

Вследствие этого чисто классовая борьба закреплённых украинских крестьян со своими помещиками осложнилась и затемнилась в этом религиозными и национально-освободительными лозунгами борьбы, поэтому – восстания и ограничились польской частью Украины и не распространилось на Левобережье, где также давили и угнетали крестьян украинские и православные паны. В этом отношении колиивщина представляет для нас

⁶⁷ Дмитрев А. Д. Колиивщина. М., 1934. – С. 6.

⁶⁸ Там же.

особенный интерес. На примере этого большого крестьянского восстания мы имеем возможность ясно увидеть, куда клонят и в чью пользу служат религиозные и националистические лозунги борьбы, под знаменем которых увлекаются к выгоде последних. Мы можем ясно увидеть, где религиозная и национальная вражда, которую разжигали среди украинских крестьян и православное духовенство, служило восставшим на пользу, а во вред.

И в этой работе А. Д. Дмитрев не делает различий между украинскими помещиками, польскими панам и московским властями. Рассматривая начало колиивщины, автор указывает, что ещё задолго до неё польские и русские помещики начали вести борьбу за украинские земли между собой. «Русское правительство царя Алексея Михайловича стало стремиться к тому, чтобы силой прибрать к рукам всю Украину и превратить её в свою доходную колонию», – писал он⁶⁹. Польские же помещики, владевшие Правобережной Украиной не желали без борьбы выпускать из своих рук богатейших имений на Украине, приносивших им большие доходы, с оружием в руках начали защищать Правобережную Украину от захвата её московским царём.

Во второй половине XVIII в. русское правительство, сговорившись с украинскими помещиками, владевшими Левобережной Украиной, уже сделалось здесь полным хозяином. Тогда оно, пользуясь военной слабостью Польши, всё чаще и решительнее стало вмешиваться в польские внутренние дела, покушаясь на то, чтобы теперь не только отобрать всю Правобережную Украину, но и подчинить своей полной власти саму Польшу. Результатом этого и стали первые разделы Польши.

После раздела Польши в 1768 г. не согласная с этим польская шляхта образовала в г. Баре т.н. Барскую конфедерацию, которая стала разжигать против русских религиозный фанатизм. «Ксёндзы и польские монахи–иезуиты стали проклинать в костёлах Россию и русских и в своих проповедях стали призывать польских крестьян вставать на защиту их родной католической веры», – писал А. Д. Дмитрев⁷⁰. Но под лозунгом защиты «свободы и веры» они прикрывали свои собственные помещичьи интересы,

⁶⁹ Дмитрев А. Д. Колиивщина. М., 1934. – С. 8

⁷⁰ Там же. С. 9.

сражаясь за то, чтобы не потерять своего господства над украинскими землями и над украинским народом.

Точно также начало действовать и русское царское правительство, стремясь привлечь на свою сторону и расположить к себе украинских крестьян, населявших на Правобережье имения польских панов. При помощи украинских православных монахов и попов царское правительство России стало разжигать среди этих крестьян религиозную и национальную вражду к польскому и еврейскому населению. По всей Украине началась усиленная агитация православного духовенства против барских конфедератов под флагом защиты православной веры и украинской национальности. В церковных проповедях раздавался громкий клич православным встать на защиту будто бы гонимого благочестия, спасти веру православную от поругания, наказать всех «иноплеменников», врагов православного народа и православного царя русского.

В центре внимания А. Д. Дмитрева находится фигура игумена Мотронинского монастыря Мелхиседека. Сам Мелхиседек тайно сносился с русским правительством, которое давало ему указания, как для борьбы с Польшей можно воспользоваться гайдамацкими отрядами и направить их недовольство крепостными порядками в русло религиозной и национальной борьбы. Мелхиседек лично занялся организацией ударного гайдамацкого отряда, который мог бы под знаменем борьбы «за православие» и «украинскую национальность» начать свой поход в глубь Украины против барских конфедератов и привлечь на свою сторону крестьян. Игумен вспомнил, что в его монастыре было когда-то послушником сын запорожского казака Максим Железняк. Не забыл Мелхиседек частых бесед с этим приглянувшимся ему послушником. Но тогда послушнику не нравилась его длинная чёрная ряса, унылое монастырское житие, бесцельная жизнь среди монастырских стен. Мечталось ему совсем другая жизнь – гетманом Украины возглавить своих казаков.

И через своих монастырских слуг отыскал игумен своего бывшего беспокойного послушника, который не стал гетманом, а нанялся подёнщиком к запорожским панам. Когда игумен узнал об этом он лично приехал к Максиму и стал говорить о его возможных перспективах.

Железняк горячо откликнулся на призыв Мелхиседека. Он набрал отряд их 18 человек, раздобыли коней, оружие, оделись в казацкие кафтаны и двинулись в дальний поход. В походе отряд вырос до 50 человек.

И здесь своё веское слово сказал Мелхиседек. На «чигиринском свято» (храмовом празднике) он обратился с призывом к украинским крестьянам и призвал их вступить в отряд Максима Железняка.

С другой стороны, московское правительство было заинтересовано в разжигании в угнетённом народе пламени религиозной и национальной вражды, а в роли высокой защитницы украинских крестьян от притеснений поляков выступила сама императрица Екатерина II. Но и она, по словам А. Д. Дмитрева, преследовала свои классовые интересы: раздарить украинские земли своим возлюбленным придворным и обратить украинских крестьян в колониальных рабов ⁷¹.

Затем автор подробнейшим образом, со знанием дела, описывает ход восстания. После того, как гайдамаки фактически без боя взяли Медведовку, они двинулись на Жаботин. Здесь на их сторону перешёл казачий сотник Мартын Белуга, после чего была взята и сожжена Смилла. Но в самом лагере Максима Железняка лозунг «за веру» вскоре заменился другим – «за волю». Атаман начинает рассылать воззвания, в которых уже не идёт речи о защите православной веры, он уже зовёт народ к освобождению от панской неволи и обещает угнетённым свободу от чужих и своих панов. А это уже привело к всеобщему восстанию. Небольшой отряд Железняка, вышедший из лесов Мотронинского монастыря, уже насчитывал тысячи и превращался в настоящую крестьянскую армию.

Затем была взята принадлежащая польскому пану Потоцкому Умань, центр политического и торговой жизни всего Правобережья.

Как мы видим, А. Д. Дмитрев не делает различий между католической и православной верой: для него и ксёндзы, и православные попы – идеологи классового угнетения.

Точно также не делается различий между московским царём и представителями барской конфедерации: и первый, и вторые непосредственные угнетатели трудового украинского крестьянства. Всё это помогает автору

⁷¹ Дмитрев А. Д. Колиивщина. М., 1934. – С.15.

избежать возможного обвинения в «украинском национализме», чего не удалось сделать в будущем некоторым украинским учёным-историкам.

В работе мы находим яркие картины массовых убийств, которые практиковали как восставшие, так и их угнетатели. Так, А. Д. Дмитриев указывает на то, что только в один день восставшими было уничтожено до 12 тысяч поляков и евреев. «Эти массовые убийства были естественным результатом того раздражения, озлобления и чувства мести к притеснителям, которое долгое время копились у крестьян, томившихся в тяжёлой крепостной неволе... Обвинять за это восставший народ мы не можем, так как сами его классовые враги доводили его до этого»⁷².

А это уже по существу оправдание классового террора, который проводился Советским государством с начала 20-х годов и продолжался к моменту написания книги.

Не менее ярко описаны картины расправы панов над восставшими после подавления восстания войсками русской императрицы Екатерины II. Императрица была напугана размахом восстания и участвовавшими требованиями отмены крепостного права. Поэтому на Украину был направлен полк донских казаков во главе с полковником Гурьевым с приказанием немедленно усмирить восставших и вернуть старые порядки на украинской земле. Обманом был захвачен Гонта и началась жестокая расправа панов. «Крестьян сажали живыми на кол, вешали, четвертовали, и поголовно, не щадя женщин и детей, истребляли те сёла, которые первыми поднялись против панов. В других сёлах крестьянам массами рубили по одной руке и по одной ноге... и изувеченных таким образом отпускали на все четыре стороны. Иных мучали ещё более жестоко. Им обматывали обе руки осмоленной паклей, зажигали паклю и, посадив несчастных на воз, возили по сёлам и деревням. Расправа панов продолжалась в течение целых четырёх лет с 1768 по 1772 г.... Более 30 тысяч крестьян были истреблены после подавления Колиивщины»⁷³.

Подводя итоги классовой борьбы на Украине в XVIII в., что она, обнаружив нам своё большее развитие в колиивщине, не достигла своих целей. Победителями в этой ожесточенной борьбе вышли помещики, которые сохранили по-прежнему всю экономическую и политическую власть над

⁷² Дмитриев А. Д. Колиивщина. М., 1934. – С.24.

⁷³ Там же. С.37.

украинским народом. И далее следует вывод, ради которого видимо, и была написана данная работа: «И только в октябре 1917 г. трудящиеся Украины в союзе с пролетариатом и под его руководством смели с украинской земли помещичью власть и помещичьи порядки и осуществили своё экономическое и национальное освобождение, создав своё рабоче-крестьянское государство, Украинскую Социалистическую Советскую республику, являющуюся составной частью СССР»⁷⁴.

И, наконец, завершает серию работ А. Д. Дмитрева по истории классовой борьбы на Украине XVII–XVIII вв. работа, посвящённая такому общественному движению, как гайдамачина.

Под гайдамачиной автор понимает «революционные крестьянские движения, происходившие в XVIII в. на Правобережной Украине»⁷⁵. Эти движения тянулись непрерывно через весь XVIII век. Весь этот век – от самого начала до его конца – на Украине не утихала ни на минуту кровавая борьба закреплённых крестьянских масс против помещиков. Очень часто такая борьба происходила в виде отдельных разрозненных выступлений бежавших от крепостной неволи крестьян. Беглецы эти обычно составляли небольшие повстанческие отряды, вооружались, кто, чем мог, и делали набеги на помещичьи имения, громили укреплённые помещичьи замки, сжигали города и местечки, избивали и убивали панов-помещиков. У польских помещиков эти украинские беглецы-повстанцы получили название гайдамаков, т.е. разбойных людей, которые будто бы не желали заниматься мирным трудом земледельца, а предпочитали жить разбоем и грабежом.

Однако на самом деле гайдамацкое движение никогда не было простым разбоем или случайными нападениями ради грабежа. Это была стихийная форма проявления крестьянской мести и вражды, целый век копившихся под гнётом польских и своих украинских панов. Начавшись с отдельных партизанских выступлений небольших отрядов беглых крестьян, это повстанческое движение мало-помалу увлекло за собою. Всю массу оседлых крестьян и достигло широких размеров, охватывало собой весь край и нередко выливалось в поголовное восстание всего крестьянского населения на Украине и справа и слева от Днепра. Все крестьяне от мало до

⁷⁴ Дмитрев А. Д. Колиивщина. М., 1934. – С.43.

⁷⁵ Дмитрев А. Д. Гайдамачина. М., 1934. – С.3.

велика поднимались на эту борьбу. И гайдамаки в этой бушующей крестьянской массе являлись беспощадными мстителями за те мучительные пытки и казни, которыми помещики думали обуздать крестьян, думали задушить их непреклонную волю к борьбе. Таким образом, по мнению А. Д. Дмитрева, гайдамачина – это революционное крестьянское движение на Украине, потрясшее до основания общественные порядки и стремившееся смести с лица земли существовавший на Украине крепостнический строй⁷⁶.

Но гайдамачина никогда не была борьбой за православную веру и украинскую народность. Это была настоящая классовая борьба крестьян против гнетущей силы крепостничества. Это была, по определению автора, открытая борьба двух классово-враждебных сил – помещиков-поработителей и порабощённых крестьян вне зависимости от национальных различий.

И в этой работе автор обличает русское самодержавие, которому, по его словам, было выгодно, чтобы в Польше были постоянные волнения, ибо во время таких волнений легче было вмешиваться во внутренние дела Польши и проводить свою захватническую колониальную политику.

Какая же обстановка способствовала возникновению и расширению движения гайдамаков?

По мере роста крепостничества в правобережной Украине, когда разорение и обнищание крестьян стало увеличиваться, гайдамацкое движение стало быстро разрастаться, охватив собой всё пространство Правобережья и превратилось из набегов отдельных партизанских отрядов в массовое крестьянское движение. Около ядра, образованного из казачье-крестьянской гольтыбы, стали объединяться все оседлые крестьяне. Гайдамачество, почти поголовно стремящееся к борьбе, захватывает целые селения и целые районы. Крестьяне бросали своё хозяйство, свои пожитки и примыкали к гайдамакам. Поднимались целые селения и целые районы. Они повсюду расставляли свои заставы, высылали вперёд разведчиков и вступали в настоящие сражения с регулярными частями польской армии. Таким образом, гайдамаки выходят из своих безлюдных убежищ – лесов и степей – и становятся обычной формой борьбы всей закрепощённой крестьянской массы на Правобережье. В первый раз это произошло в 1733–1734 гг. В это время вспыхнуло большое крестьянское восстание, ко-

⁷⁶ Дмитрев А. Д. Гайдамачина. М., 1934. – С.4.

торое охватило собой всю Правобережную Украину и даже Галицию. С воззванием к восставшим выступил гайдамацкий ватажка Никита Москаль. Начальник надворных казаков Верлан разослал восставшим «царский указ», по которому будто бы приказывал народу истреблять всех поляком и евреев и обещал, что после окончательного истребления их край будет присоединён к России и будет восстановлено казацкое государство. При помощи этого «указа» Верлан разжёл у восставших религиозную и политическую вражду и разбудил у них человеконенавистнические чувства. Восставшие начали поголовное избиение всех «противников православной веры». Гибли большей частью невинные, а помещики в своём большинстве успевали бежать. Восстание было подавлено лишь после того, как польский король обратился за помощью к России и на Правобережную Украину были введены русские войска.

Однако в 1735 г. вспыхнуло новое восстание во главе с Гривой и Медведем. В 1738 г. крестьянские восстания вспыхнули в Подолии и Брацлавщине. Но второе всеобщее крестьянское восстание падает на 1750 г., когда одновременно поднялись на борьбу ватажок Харько в Подолии и Киевщине и в Польше – ватажок Иван Подоляка.

Автор выступает против того, чтобы гайдамачину на Украине называть «национальным движением, борьбой народа за независимое и единое национальное государство». Это была борьба украинского крестьянства против гнетущей его силы крепостничества и против его живых носителей – панов-крепостников, к какой бы национальности они не принадлежали⁷⁷. И если гайдамачина в XVIII в. охватила только Правобережную Украину, где хозяйничали польские паны, то на это были свои особые причины. Но при каждом удобном случае гайдамачина перекидывалась и на Левобережную Украину, тревожа здесь украинских помещиков. Однако, по образному выражению А. Д. Дмитрева, уже здесь на украинской земле свободно гулял сапог российского самодержавия и давил эти вспышки восстания целыми полками своих регулярных войск, гарнизонами, карательными отрядами и эскадронами гусар. Этот сапог ведь уже стал давить гайдамачину и на Правобережной Украине. Но для утверждения там своего господства российское самодержавие заставляло своих верных слуг в лице казацкой

⁷⁷ Дмитрев А. Д. Гайдамачина. М., 1934. – С.53.

старшины и православного духовенства насаждать в умах угнетённых крестьян национальную и религиозную рознь. Поэтому классовая борьба крестьян там осложнялась и затемнялась враждебными угнетённым лозунгами защиты православной веры, украинской народности, уничтожения католиков и евреев», – писал А. Д. Дмитриев⁷⁸. Путём церковных проповедей, путём подложных царских указов и золотых грамот, путём преувеличения рассказов о «зверствах поляков» и притеснениях еврейскими арендаторами имений, они возбуждали в народе самые низменные страсти и воспитывали в гайдамаках страсть к поголовному избиению всех без разбора, кто не родился на украинской земле и не принадлежал к числу православных христиан.

«Достигнув руками возбуждённых ими крестьян своих выгод и целей, они не медлили обрушивать свои враждебные руки на головы своих единоверцев, своих соплеменников и своих православных христиан», – писал Дмитриев⁷⁹. Тогда забывались все священные лозунги борьбы за веру и народность.

Таки образом, гайдамачина была чисто классовой борьбой угнетённых с угнетателями. Поэтому национальность помещика не имела никакого значения для гайдамаков. Не только панов-католиков, но и панов-православных избивали и предавали смерти на равных.

Автор ярко описывает формы и методы эксплуатации украинских крестьян. Одной из таких форм стало насильственное спаивание крестьян, для чего арендаторам вменялось в обязательном порядке брать у помещиков определённое количества водки, даже если они вообще не пили⁸⁰.

Анализируя работы А. Д. Дмитриева по истории освободительного движения на Украине XVII–XVIII веков, хотелось бы отметить следующее. К сожалению, автор не делает сноска на использованную литературу, поэтому практически невозможно судить, какие источники им были использованы. Тем не менее, А. Д. Дмитриев излагает события со знанием дела, оперируя интересными, подчас уникальными фактами, что свидетельствует о глубоком знании автором предмета своего исследования. Можно предположить, что им были использованы малоизвестные источники на украин-

⁷⁸ Дмитриев А. Д. Гайдамачина. М., 1934. – С.54.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С.27.

ском языке. При этом, как мы видим, автор охвачен идеями классовой борьбы и для него не существует никаких приоритетов, кроме приоритета классовых интересов, который у него доминирует над религиозными и национальными. Однако, несмотря на резко бьющий в глаза марксистский подход и постоянное выпячивание интереса к крестьянству, как к угнетённой и эксплуатируемой части украинского населения, его работы по истории Украины читаются с большим интересом и благодаря приводимым в них интересным историческим фактам, имеют немалое познавательное значение. Задуманные как агитационные брошюры, благодаря умело подобранному и мастерски поданному материалу они являются важными и даже уникальными историческими работами.

ГЛАВА II. А. Д. ДМИТРЕВ – УЧЁНЫЙ АНТИКОВЕД

1. Разработка ученым проблем классовой борьбы в Римской империи

Несмотря на то, что Александр Дмитриевич Дмитриев внёс определенный вклад в разработку проблем классовой борьбы на Украине XVII–XVIII вв, а также был известен своими работами по антирелигиозной тематике, он вошёл в отечественную историографию, прежде всего, как учёный–антиковед, оставивший заметный вклад в развитие антиковедения не только на Донской земле, но и во всей нашей стране.

Как же складывалась его дальнейшая жизнь? Нельзя не заметить, что жизнь помотала Александра Дмитриевича по разным городам и Высшим учебным заведениям. Сталинград, Бугурслан, Саратов, Нальчик, Ростов-на-Дону, Черновцы, и наконец, снова Ростов-на-Дону. До этого, как мы помним, были Киев, Одесса, Москва... Едва ли постоянные разъезды способствовали активным занятиям наукой. Но тем не менее, именно эти годы отмечены интенсивной научной работой А. Д. Дмитриева.

В 1936 г. Наркомпрос направил А. Д. Дмитриева на должность доцента в Сталинградский педагогический институт, где он был избран заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков. В этой должности он проработал вплоть до эвакуации института в 1942 году. Известно, что во время пребывания в Сталинграде Александру Дмитриевичу удалось в Ученых записках Сталинградского пединститута (т. II, 1941 г.) опубликовать статью под названием «Восстание Бар-Кохбы»⁸¹, которая, к сожалению, осталась для нас недоступной. Во время эвакуации Александра Дмитриевича постигла личная трагедия – он потерял всё своё имущество, в том числе личную библиотеку и даже часть собранных материалов для будущей диссертации⁸². В эвакуации он работал в Учительском институте г. Бугурслана доцентом кафедры древней истории. В этих тяжелейших условиях А. Д. Дмитриев завершил работу над кандидатской диссертацией.

⁸¹Архів Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича (далее – АЧНУ). Акты 1951 г. № 56. Л. 4.

⁸² АЧНУ. Л. 33.

Тогда же в 1943 г. учёный перешёл на работу в Саратовский педагогический институт, однако уже на следующий год он был направлен Наркомпросом на работу в Нальчик в Кабардинский педагогический институт. В Нальчике работу заведующего кафедрой педагогического института он сочетал с должностью лектора-консультанта в заочной высшей партийной школе при ЦК ВКП (б).

В Саратове в ноябре 1943 г. Ученом совете находившегося здесь в эвакуации Ленинградского Государственного университета А. Д. Дмитриев успешно защитил кандидатскую диссертацию. Долгое время нам не удавалось установить тему, по которой она была защищена, и лишь в документах, обнаруженных в архиве Черновицкого университета, удалось её установить: «Багауды. К истории революционного движения в Римской Галлии». Впоследствии в сокращенном варианте она была опубликована в журнале «Вестник древней истории», а её материалы затем были включены в текст докторской диссертации.

В 1945 г. А. Д. Дмитриев переехал в Ростов-на-Дону и перешёл на должность доцента кафедры всеобщей истории⁸³. Однако на этот раз его пребывание в Ростове-на-Дону было недолгим. В октябре 1946 г. по распоряжению Министерства высшего образования он был направлен на работу в Черновицкий университет на должность заведующего кафедрой.

Оказавшись в Ростове-на-Дону в должности доцента кафедры Всеобщей истории и проработав на этой должности около года, А. Д. Дмитриев начал активно искать новое место работы. Мотивы этого доподлинно неизвестны, однако можно предположить, что его не устраивала должность рядового доцента, и он искал место заведующего кафедрой. Его выбор пал на г. Черновцы.

Что известно о первом годичном пребывании Александра Дмитриевича в Ростове-на-Дону? Только то, что он выступил с докладом на университетской научной конференции на тему: «Движение сикариев»⁸⁴.

⁸³ Архив Южного Федерального университета. Ф.р. – 46. Оп.22. Д.65. Л.2 об.

⁸⁴ АЧНУ. Акты 1951 г. № 56. Л. 4. По всей вероятности, эта работа вписывалась в разрабатываемую им тему: сикарии – это восставшие против власти Рима жители Иудеи, мечтавшие о своем собственном государстве. Свое название получили от того, что все они носили кинжалы (от лат. *sica* – кинжал).

Были ли опубликованы тезисы этого доклада, к сожалению, нам неизвестно. Во всяком случае, найти их нам не удалось.

8 августа 1946 г. А. Д. Дмитриев пишет письмо на имя ректора Черновицкого государственного университета, в котором он в связи с объявленным конкурсом на должность заведующего кафедрой, просит рассмотреть его кандидатуру. При этом он указывает на то, что ему уже приходилось исполнять должность заведующего кафедрой в Сталинградском пединституте и Кабардинском государственном университете. В качестве дополнительного аргумента А. Д. Дмитриев указывает на то, что он «родился и получил образование на Украине, около 20 лет проработал на Украине в органах Народного Просвещения, в настоящее время работаю над Древней историей Молдовы (Римская Дакия), украинский язык изучал и думаю, что через год после начала работы смогу всецело и самое преподавание повести на украинском языке»⁸⁵. Из того же письма можно заключить, что ещё раньше ученый вступил в контакты с руководством Черновицкого университета, которое в январе 1946 г. по его просьбе возбудило ходатайство перед Управлением по делам высшей школы при Совете Министров УССР о его переводе из Ростовского в Черновицкий университет. Одновременно с этим А. Д. Дмитриев отправил в Москву «мотивированную просьбу» о его переводе⁸⁶.

Пожелания ученого с одной стороны, и ходатайство Черновицкого университета с другой были приняты во внимание и с 1 октября 1946 г. ученый приступил к работе в должности заведующего кафедрой ЧГУ.

Причины стремления А. Д. Дмитриева в Черновцы становятся понятными при внимательном знакомстве с его личным делом: скорее всего, ему были обещаны все условия для работы над докторской диссертацией.

И действительно, с этого момента она активно началась.

В советском антиковедении 40-х годов тема классовой борьбы в рабовладельческом обществе считалась наиболее актуальной. Различные аспекты классовой и социальной борьбы стали предметом исследований в работах крупнейших советских антиковедов С. А. Жебелёва, С. И. Ковалёва, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, В. С. Сергеева.

⁸⁵ АЧНУ. Акты 1951 г. № 56. Л. 9.

⁸⁶ Там же. Л. 10.

Первой крупной работой А. Д. Дмитриева, открывшей целую серию его публикаций в «Вестнике древней истории», была статья, посвящённая возникшему в III в. массовому движению багаудов. По-видимому, именно текст этой статьи затем лег в основу его кандидатской диссертации, защищенной в ноябре 1943 г. Актуальность темы автор обосновывает тем, что исследований на данную тему нет, в буржуазной историографии это восстание багаудов трактуется исключительно как движения «разбойничьих банд», в то время, как оно, по мнению А. Д. Дмитриева, являлось важным этапом в истории революции рабов⁸⁷. Свою статью автор начинает с определения этимологии слова «багауды», приводя разные точки зрения по данному вопросу. Источниковая база работы весьма разнообразна: она включает в себя труды, как христианских (Сальвиан, Орозий, Эвмений), так и языческих авторов (Дион Кассий, Аврелий Виктор), памятники юридической литературы (Дигесты), различные панегирики, данные эпиграфики. Ссылок на научную литературу мы практически не находим, разве что на две франкоязычные работы К. Жюлиана и А. Тьерри.

По словам автора, это было широкое массовое движение, возникшее в Галлии в III в., в течение двух веков подтачивало могущество державного Рима. Это движение было направлено, в первую очередь, против крупного галло-римского землевладения, способствовало разрушению хозяйства и утверждению на территории Галлии варварских племён. Истоки этого движения автор ищет в той поистине ужасающей ситуации, в котором оказалась экономика Галлии с конца II в. С 70–80 гг. Галлия вступила в полосу жестокого аграрного кризиса, из которого она не могла выйти в течение 15–20 лет. Перед автором стояла довольно сложная задача: на основе разрозненных и отрывочных данных восстановить не только общую картину, но и основные этапы движения багаудов.

Впервые, по словам автора, багауды дали о себе знать при императоре Комоде (180–192 гг.). Речь идет о восстании Матерна. Единственный источник, который рассказывает нам об этом событии, Геродиан. Социальная основа восстания была весьма широка: это рабы, колонны, солдаты и городская беднота. Вставшие под его знамена – это не разбойники и воры, а «мощное революционное движение поработанных и угнетенных масс»⁸⁸.

⁸⁷ Дмитриев А. Д. Движение багаудов // ВДИ, 1940, № 3–4. С. 101.

⁸⁸ Там же. С. 103.

Следующий этап движения багаудов автор связывает со временем правления Александра Севера (222–235 гг.), но особого размаха движение достигло во второй половине III в. при галльском правителе Тетрике. Опираясь на весьма специфический источник – панегирик Евмения, А. Д. Дмитриев описывает взятие багаудами города богатого галльского Августодуна, что посеяло панику среди галльской знати и переход Тетрика под полную власть римского императора Аврелиана⁸⁹. На этом этапе восстание было также подавлено, а сам Тетрик заработал печальную славу предателя. Следующий этап движения багаудов автор связывает с периодом 283–286 г., когда во главе его встали бывшие римские солдаты Аманд и Элиан. Со всех сторон в их крепость на р. Марне стекались угнетенные массы. Против них император Диоклетиан направил значительные военные силы во главе с Максимианом. Рассматривая компанию Максимиана, автор попутно касается заимствованного из христианской традиции («Акты св. Маврикия») эпизода, когда двадцать второй фиванский легион, целиком состоявший из христиан, отказался выступить против поднявших мятеж христиан. Отказавшиеся подчиниться в количестве 6 тыс. человек были все казнены. По мнению А. Д. Дмитриева, рассказ о «мученичестве фиванского легиона» можно отнести в разряд легенд и вымыслов христианской церкви⁹⁰

Некоторое затишье наблюдается в IV в., но и в этот период борьба не прекращалась, она лишь приобрела иную форму – форму партизанской борьбы.

Новый подъем «революционного» движения багаудов автор относит к V в. Бурные события развернулись в одной из частей Галлии под названием Арморика, где власть время от времени переходила в руки угнетенных. Войны с вторгающимися варварами и непомерные налоги ухудшили и без того тяжелое положение населения. Невиданного размаха достигли злоупотребления и взяточничество чиновников фиска. И теперь целые провинции были охвачены восстанием багаудов. Их основную массу, по словам А. Д. Дмитриева, составляли *rusticani* – сельские колонны и рабы⁹¹. К середине V в. движение багаудов распространилось на Испанию. Разлагавшаяся империя, неспособная справиться с движением багаудов, обратилась

⁸⁹ Дмитриев А. Д. Движение багаудов // ВДИ, 1940, № 3–4. – С. 105–106.

⁹⁰ Там же. – С. 109.

⁹¹ Там же. – С. 112.

к помощи вестготов, которые в 454 г. разгромили главный центр багаудов – Таррагону. Анализируя социальный состав багаудов, автор приходит к выводу, что они состояли из рабов и колонов.

Свое повествование о движении багаудов автор доводит до 498 г., когда был казнен вождь восставших багаудов Бурдурелла.

Отметим здесь, однако, одно важнейшее обстоятельство. Автор вольно или невольно, приводит факты, однозначно свидетельствующие о том, что багауды боролись как с властью Рима, так и с вторгавшимися на их земли варварами – аланами, вестготами, которые никак не могли являться их «союзниками»⁹².

Следующая статья А. Д. Дмитриева посвящена т.н. буколам – крестьянскому движению в Римском Египте в период правления императора Марка Аврелия. Обосновывая актуальность темы, как и в первом случае, автор указывает на не разработанность данной темы в «буржуазной» историографии. Изложению хода восстания предшествует анализ той социально-экономической ситуации, которая сложилась в «житнице Рима» в I в. Автор указывает, что ещё со времен Августа египетские крестьяне были задавлены разного рода натуральными и денежными налогами, литургиями, которые увеличивались вследствие произвола и злоупотреблений римских властей⁹³. Крестьяне едва сводили концы с концами, питаясь не только хлебом, но и растущими на полях травами. Во времена экономических трудностей особенно страдали мелкие арендаторы, которые были вынуждены прибегать к разного рода займам, которые было практически невозможно отдать. В итоге крестьяне лишались всяческих средств к существованию и доходили до полной нищеты. Доведенные до крайности, крестьяне бросали свою землю, становясь бродягами и разбойниками. Но тех, кого ловили, заключали в оковы и сгоняли на сельскохозяйственные работы.

Римский гнет, по словам автора, вызывал сопротивление со стороны угнетенных, которые были вынуждены покидать свои дома и искать спасения в бегстве.

Своё название движение получило от названия труднодоступного местечка Буколия в дельте Нила. Именно сюда бежали крестьяне, спасаясь от непосильного гнёта римской администрации. Здесь они устраивали целые

⁹² Дмитриев А. Д. Движение багаудов // ВДИ, 1940, № 3–4. – С. 113–114.

⁹³ Дмитриев А. Д. Буколы // ВДИ, 1946, № 4. – С.93.

поселки, где проводили свою жизнь. Положение беглецов ухудшалось и потому, что император Тиберий отменил право убежища в храмах. Для характеристики буколов А. Д. Дмитриев использует и художественную литературу – роман автора V в. Тация «Левкиппа и Клитофон».

Буколы создали целую систему сооружений пещер и подземелий, которая позволяла им укрываться от врагов. Римские войска вели против них военные действия с переменным успехом. Верх одерживали то одни, то другие. Наконец, выйдя из своих убежищ в 174–175 гг. буколы подняли восстание, которое охватило весь Египет. Лишь в 175 г. прибывшим из Сирии наместником Авидием Кассием восстание было окончательно подавлено. Движение буколов, по словам автора, было ярим показателем обострения того кризиса, который охватил Римскую империю в «счастливый век» Антонинов⁹⁴.

Чем примечательна данная статья? В ней в виду нехватки материала (и даже какого-либо намека на него) отсутствует главный тезис автора о союзе между местным угнетенным населением и вторгнувшимися варварами. Видимо, потому, что в этот период в Египет никто не собирался вторгаться.

В другой статье, посвящённой А. Д. Дмитриевым агонистикам, автор исследует возникшее в римской Африке социальное движение, сторонники которого первоначально вели просто скитальческий образ жизни, протестуя против угнетения⁹⁵.

Агонистики и циркумцеллионы – это два религиозных течения, разобратся в сути которых мог только специалист, хорошо знакомый с историей раннего христианства. Именно таким знатоком и показал себя А. Д. Дмитриев. В начале своей статьи автор указывает, что движение агонистиков уже исследовалось в отечественной историографии, упоминая при этом труды Н. А. Машкина⁹⁶, В. С. Сергеева⁹⁷, А. В. Мишулина⁹⁸. Однако по ряду высказанных проблем А. Д. Дмитриев имеет собственную позицию, которую он пытался донести до читателей.

⁹⁴ Дмитриев А. Д. Буколы. С. 100.

⁹⁵ Дмитриев А. Д. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах // ВДИ, 1948, № 3. С. 66.

⁹⁶ Машкин Н. А. Движение агонистиков // Историк-марксист, 1935, № 1. – С. 28–52.

⁹⁷ Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Т.2. М-Л., 1938.

⁹⁸ Мишулин А. В. История древнего Рима. М., 1946.

До А. Д. Дмитриева упомянутые ученые рассматривали появление агонистиков исключительно в связи с донатизмом, а их самих – левым радикальным крылом донатистов. По словам А. Д. Дмитриева, агонистики в этих трудах. «как бы тонут и растворяются в донатизме, с которым ...ортодоксальные церковные писатели вели непримиримую и ожесточенную борьбу...»⁹⁹. Автор на основе анализа источников приходит к выводу, что агонистики ни организационно, ни идеологически не были связаны с донатизмом. По его словам, это были два совершенно разных течения и по идеологии, и по организации, и по социальной направленности. Связывало их только то, что они проткали одновременно, в остальном же преследовали абсолютно разные цели. Это различие автор видит в том, что в отличие от донатизма, выступающего против «нивелирующей силы римского господства», движение агонистиков было движением чисто революционным, отражающим чаяния угнетенных масс и выразившим протест этих масс против социального гнета...»¹⁰⁰. По мнению автора, разной была их социальная база. Если у донатистов она была слишком пестрой, и включала в себя широкие социальные слои от крупных рабовладельцев, земельных собственников и епископов до мелких собственников и даже рабов, то агонистики были социально однородны: это были самые низы, мечтавшие о переделе земли, отмены долгового рабства и освобождение от рабства. Поэтому общими интересы эти дух течений могли совпадать только на определенном этапе социально–политической борьбы.

По мнению автора, появление агонистиков в Африке произошло гораздо раньше донатистского раскола. Именно в Африке распространение христианство шло гораздо быстрее, чем в других районах империи. Именно отсюда вышли такие церковные писатели, как Тертуллиан и Лактанций, которое проповедовали о наступлении всеобщего равенства. Появление движения агонистиков автор связывает с появлением сектантских общин, которые проповедовали мученичество. Обстановка, возникшая в III в. в Африке, когда местные жители утратили свои земли, объективно вела к значительному пополнению рядов агонистиков. И по мнению автора, их количественный рост сопровождался и их «качественным видоизменением»: общины агонистиков окончательно оформляются как революционные орга-

⁹⁹ Дмитриев А. Д. К вопросу об агонистиках или циркумцеллионах. С. 67.

¹⁰⁰ Там же.

низации угнетенных масс»¹⁰¹. Но по своей сущности от агонистиков значительно отличались т.н. циркумцеллионы, бродячие монахи без определенного места жительства. Они наполнили всю римскую Африку и против них, как и против донатистов, ортодоксальная церковь вела непримиримую борьбу. И здесь автор предлагает четко различать «выступления бродячих толп монахов», которых он называет «деклассированным элементом», от классовой борьбы угнетенных масс римской Африки, названных циркумцеллионами, но выступавших под названием агонистики, которые являлись членами раннехристианских демократических общин.

Удивляет то, что с одной стороны автор смело выстраивает свои теории, с другой – все же оговаривается, что «...сквозь туман агиографических источников трудно дать подробное описание событий»¹⁰². Зачастую выводы автора представляются голыми умозаключениями, базирующимися на весьма шатких основаниях.

В статье, посвященной падению Дакии, автор рассматривает эту провинцию как главный форпост римских владений на севере. В системе римской обороны она была превращена в военно-стратегический опорный пункт, в огромную военную крепость, предназначенную запиравать проходы для варваров с востока на запад и с севера на юг¹⁰³. Автор подробно описывает ту систему оборонительных сооружений, которую создали римляне в Дакии. Здесь были глубокие рвы, выстроена система валов и каменных башен, которые опоясывали весь дакийский *limes*, которые должны были надежно обеспечивать империю от вторжений варваров¹⁰⁴.

Учитывая стратегическое значение Дакии, Рим начал её активно колонизовать, в результате чего процент римского и романизированного населения здесь был достаточно высок. Местное население, понесшее огромные потери в борьбе с римскими завоевателями, сохранило ненависть к своим поработителям. А. Д. Дмитриев выстраивает в хронологическом порядке все те восстания, которые поднимали жители Дакии против римлян. Это восстания 139 г., затем война Антония Пия против восставших даков в 143 г., и, наконец, в 156–157 гг. вспыхнуло новое восстание, которое было подавлено легатом Антонина Пия Клавдием Приском Лицинием Ита-

¹⁰¹ Дмитриев А. Д. К вопросу об агонистиках или циркумцеллионах. С. 71.

¹⁰² Там же. С. 68.

¹⁰³ Дмитриев А. Д. Падение Дакии // ВДИ, 1949, № 1. – С. 77.

¹⁰⁴ Там же. С.78.

ликом. Описывая борьбу даков за свою независимость А. Д. Дмитриев, для подтверждения своей концепции притягивает (что порой выглядит весьма сомнительно) сюда и «внешний фактор» – якобы одновременно имевшие место вторжения в римские владения варварских народностей, в частности, соседнего племени карпов. Основанием для этого служит надпись о награждении Антонином Пием одного воина за проявленную отвагу в войне с карпами (см. АЕр, 1900, № 55).

Отмечая важность Дакии для Рима. А. Д. Дмитриев указывает на то, что она была последней покорённой римским оружием страной и вместе с тем она была первой провинцией, которая римляне были вынуждены уступить варварскому миру. Во II веке в Дакию начинается вторжение варварских народностей карпато-дунайского района. Казалось бы, восстания даков были успешно подавлены, страна замирена, но автор для подтверждения своей концепции «двойного удара» включает даков в т.н. «гето-дако-фракийский» союз, который действовал на «левом фланге варварского фронта»¹⁰⁵. Римская оборона Дакии была подорвана не столько внешней варварской, сколько внутренней силой – освободительной борьбой порабождённого дунайского народа. Потеря Дакии в III в. при Аврелиане нанесла римской мощи на Дунае тяжёлый удар и имела весьма большие последствия для дальнейших судеб империи: именно из Дакии начались первые массовые вторжения различных варварских народностей в дунайские области, на Балканский полуостров и в Малую Азию. Потеря Дакии нанесла римской мощи на Дунае тяжёлый удар и имела весьма большие последствия для дальнейших судеб империи. Она стала тем плацдармом, откуда «...поток варварских народностей стал постепенно заливать империю...». При этом автор указывает, что Дакия пала в результате двойного удара внутренних и внешних врагов Римского государства¹⁰⁶.

Следующая статья А. Д. Дмитриева была посвящена одному из важнейших событий римской истории IV в. – восстанию вестготов на Дунае. Автор придаёт ему настолько важное значение, что даже считает его «началом конца мировой Римской державы»¹⁰⁷. По словам автора, это восстание с самого начала имело ярко выраженный антирабовладельческий, револю-

¹⁰⁵ Дмитриев А. Д. Падение Дакии. С. 81.

¹⁰⁶ Там же. С. 82.

¹⁰⁷ Дмитриев А. Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов // ВДИ, 1950, № 1. – С.66.

ционный характер и явилось результатом стихийного взрыва негодования проживающих на римской территории и поработанных римскими рабовладельцами варварских масс. Именно оно послужило толчком к всеобщему восстанию угнетенных в дунайских провинциях¹⁰⁸.

В начале статьи А. Д. Дмитриев анализирует ту обстановку, которая сложилась в дунайских провинциях накануне восстания. При этом он опирается на таких авторов поздней античности, как Зосима, Григорий Нисский, Василий Каппадокийский, епископ Амасейский Астерий, Либаний и др., которые рисуют страшную картину угнетения и произвола, которая царила на упомянутых землях. Насильственная конфискация земель у крестьян, ростовщичество, поголовное обнищание огромных масс народа – все это не могло не вызывать решительного протеста со стороны угнетенных. И вновь автор повторяет свой излюбленный тезис: начавшаяся здесь национально-освободительная борьба, по его словам, «слилась» с вторгнувшимися сюда варварами¹⁰⁹. Весной 365 г. некий Прокопий поднял восстание против императора Валента, и, хотя он преследовал свои личные цели и имел поддержку со стороны части придворных, на него откликнулись широкие слои народных масс Фракии и Малой Азии. Восстание Прокопия было подавлено лишь благодаря измене со стороны его ближайшего окружения. Однако новое восстание, на этот раз вестготов на Дунае вспыхнуло в 376 г. Причиной его было грубое и жестокое обращение с готскими поселенцами, которым первоначально были гарантированы свобода и служба в армии. Особый акцент автор делает на его стихийный характер. Даже своего вождя – Фритигерна – готы выдвинули стихийно, помимо его воли. Другой характерной чертой восстания, по словам автора, была быстрота. Восстание стремительно разрасталось, охватывая все новые и новые районы. По мере развития восстания к нему присоединялись мезийские и фракийские рабы и колонны, количество которых было весьма велико. Все логично, последовательно, но...

Интересные метаморфозы происходят с автором, когда он пытается анализировать социальный состав участников восстания. Рассматривая поселенцев, трудящихся на золотых приисках, он сначала называет их «горнопромышленным населением», а затем они уже становятся в духе времени

¹⁰⁸ Дмитриев А. Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов // ВДИ, 1950, № 1. – С. 66.

¹⁰⁹ Там же. С. 69.

«горнопромышленными рабочими», которые, следуя логике марксистско-ленинского учения, действуют в союзе с колоннами и восставшими рабами. И конечно же, это была классовая война, восстание эксплуатируемых против эксплуататоров, революция (sic!) порабощенных масс, «излившая свою ярость против вековечных угнетателей, сметавшая их вместе с их свирепым режимом угнетения»¹¹⁰.

Понятно, что, убеждая нас в «дружеских отношениях» между вестготами и «местным населением», автор чувствует уязвимость своих позиций. Ибо игнорировать очевидные факты о расправах вестготов над свободными людьми невозможно. И тогда он пытается убедить читателя в том, что это насилие совершалось не над всеми, а только над богатыми людьми. Достоверность сообщений тех авторов, которые не поддерживают его концепцию, отвергается, в то время, как те авторы, которые её подтверждают, вызывают у А. Д. Дмитриева полное доверие.

Интересно и то, какую роль отводит ученый во вспыхнувшем восстании вестготам. В соответствии с марксистской теорией, они – «внешний фактор», поэтому должны играть «вторичную» роль. Поэтому у автора они растворяются в поднявшегося на борьбу против римского господства местного туземного населения¹¹¹.

В конечном итоге восстание было подавлено императором Феодосием I. Как пишет автор, на этом этапе дунайские провинции были очищены от восставших и здесь установился тяжелый религиозный и социальный гнет.

Но наиболее интересной, на наш взгляд, является работа А. Д. Дмитриева, в которой было проанализировано движение *latrones* («разбойников»), в которую автор рассматривает как стихийную форму протеста широких народных масс. По словам автора, распространение «римского мира» вширь несло угнетенным народом империи только бедствия и страдания¹¹². В условиях свирепого военного режима борьба низов приобретала различные формы, из которых самой распространенной стало бегство. Оно приобрело в ранней Римской империи характер большого социального бед-

¹¹⁰ Дмитриев А. Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. С.74.

¹¹¹ Там же. С. 75.

¹¹² Дмитриев А. Д. Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи // ВДИ, 1954, № 4. – С.62.

ствия. Со временем беглецы (*fugitivi*) стали представлять весьма серьезную угрозу для властей империи. Это вызывало разработку целой серии законов против них, которые анализирует А. Д. Дмитриев.

Однако, несмотря на самые жестокие меры, побеги рабов продолжались, а принимаемых против них жестокие меры, в конечном итоге, привели от пассивной к активной форме борьбы – беглецы стали вооружаться и вступать в вооруженную борьбу с римскими отрядами. Но именно бегство давало им возможность консолидироваться и вооружиться для дальнейшей борьбы.

Именно они стали называться *latrones*, что в переводе означало «разбойники». Со временем этот термин стал обозначать мятежного раба, бежавшего от своего хозяина и с оружием в руках предавался разбою.

В своей статье автор подробнейшим образом исследует этимологию термина. По его словам, понятия «*latro*» (разбойник) и «*latrocinium*» (разбой) было введено в римское законодательство в 77 г. до н.э. для борьбы с беглыми рабами и безземельными крестьянами в самой Италии¹¹³.

Автор выступает против взглядов «буржуазных» историков, видевших в *latrones* исключительно разбойников и грабителей, начисто отрицающая социальный характер движения.

По слова автора, география выступлений *latrones* была достаточно широка. Это горные районы Галилеи и Иудеи, Сицилия, Испания. Их движение зафиксировано также в Галлии, Дакии, Паннонии, городах Малой Азии.... Несмотря на все принимаемые властями меры, движение *latrones* не только не прекращалось, а только ширилось. Особый размах оно приобрело в эпоху правления Северов, до основания сотрясая основы государства. Местное население в эпоху Северов не только сочувствовало отношению к *latrones*, но и всячески помогали им. Для автора *latrones* не более и не менее – «революционное движение угнетенных масс»¹¹⁴. По словам автора – здесь он снова не отходит от заранее выстроенной им схемы – *latrones* действовали совместно с варварами. Именно в период их нашествий они выходили из своих убежищ и с тыла нападали на отряды римских войск. Помимо этого, они передавали варварам сведения о передвижениях римских войск, служили варварам проводниками в незнакомых для них

¹¹³ Дмитриев А. Д. Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи. С.63.

¹¹⁴ Там же. С. 70.

местностях, но самое главное то, что «...во время стычек и сражений *latrones* бились совместно с варварами против чрезмерно угнетавшего их римского государства и всегда доставляли нужное продовольствие варварским войскам»¹¹⁵.

К сожалению, античные авторы не сохранили ни одного из имен вождей упомянутого движения, хотя имена подавлявших их движение императорских легатов история сохранила (Элий Перегрин, Тиберий Клавдий Кандид, Коминий Випсаний Салютарис и др.).

Логическим завершением работы Александра Дмитриевича им была успешная защита докторской диссертации на тему: «Социальные движения в Римской империи в связи вторжением варваров» 28 февраля 1950 года при Ленинградском государственном университете.

Но и после защиты докторской диссертации он продолжал с успехом разрабатывать избранную им тему.

В двух последующих статьях Александр Дмитриевич не только расширяет рассматриваемую тему хронологически, включая события VI и даже VIII вв., но и расширяет его географически, делая акцент уже на вторжения славянских племен в дунайских провинциях Римской империи.

В 1952 г. выходит статья А. Д. Дмитриева посвящённая движению скамаров. Оно произошло одновременно с вторжением варваров в самой провинции Норик, которое отсюда распространилось в Паннонию и далее – в пограничные провинции Восточно-римской империи. Главным источником здесь для него послужило «Житие св. Северина», составленное его учеником Евгиппием в 511 г. (*Eugippii. Vita Severini*).

Перед тем, как перейти к самому движению, автор, следуя общепринятой логике, рассматривает социально-экономическое развитие Паннонии и Норика накануне восстания. Он приводит факты, которые свидетельствуют о том, что некогда развитые и цветущие территории со временем пришли в упадок и разорение. Произошло это в результате варварских вторжений, которые римские власти остановить уже были не в состоянии. Наиболее боеспособные римские части были отозваны для обороны самой Италии, а заменившие её здесь полу-варварские новобранцы не отличались боеспособностью. Доведенные до отчаяния рабы, крестьяне и городской

¹¹⁵ Дмитриев А. Д. Движение *latrones* как одна их форм классовой борьбы в Римской империи. С.72.

плебс уходили в горы, вооружались и нападали на владения рабовладельцев. В Дунайских провинциях они дали название скамаров.

Движение скамаров, произошедшее в 60–70 гг. V в., случилось тогда, когда, по образному выражению автора, среди «варварского моря» оказались лишь редкие островки римских владений»¹¹⁶.

Слово *scamagus* происходит от лангабаргоского *scamara*, что означало шпион, разбойник, вор. «Бесспорно, что термин «скамар» имел социальный смысл. Античные авторы под словом скамар разумели разбойников – этим словом, отражавшим их классовую ненависть к порабощённым массам, они называли тех, кто выступал с оружием в руках против римских порядков»¹¹⁷. В таком смысле слово «скамар» употребляли Евгиппий, Иордан, Менандр, Феофан Византийский и т.д. Для автора термин «скамары» практически идентичен термину «*latrones*».

Движение скамаров, по словам автора, проявлялось в форме партизанской войны. Скамары опустошали и жгли поля, громили виллы и дворцы богачей, беспощадно убивали тех, кто им сопротивлялся. «Они нападали на большие горда, где укрывались римские колонизаторы, стекавшиеся со всех сторон под защиту городских стен»¹¹⁸. Небезопасными стали дороги, на которых происходили грабежи и убийства рабовладельцев. Свои нападения они, по большей части, совершали ночью. И никакие крепости, ни какие другие оборонительные сооружения не могли остановить наступление скамаров и их «союзников». Движение началось в к. V в., но первые выступления их зафиксированы ещё в самом начале V в.

И здесь А. Д. Дмитриев, в соответствии со своей концепцией находит факты о «совместных действиях» между восставшими и варварами: когда из-за Дуная в район Норика вторглись алеманы, тюринги, руги, герулы и другие племена, они объединились со скамарами в борьбе против сохраняющихся ещё очагов римского господства в северных дунайских провинциях¹¹⁹.

Их взаимодействие со славянами против Византийской империи продолжалось довольно долго. Так, Менандр рассказывал, что в 570 г. после заключения мира между аварами и византийским императором Юстином II. Скамары опустошали местности, смежные с Гемом, где они имели

¹¹⁶ Дмитриев А. Д. Движение скамаров // Византийский Временник Вып. V, 1952. – С.3.

¹¹⁷ Там же. С.7.

¹¹⁸ Там же. С.8.

¹¹⁹ Там же. С.9.

свои поселения. Здесь они выступают как союзники славян в то же время в это же время находившихся во враждебных отношениях с аварами. И позднее, в VIII в. при императоре Константине (741–775 гг.) скамары выступают как союзники болгар и славянских племён в борьбе против деспотического византийского государства. Нападения скамаров на частные владения богачей были столь часты, что каждое имение им приходилось превращать в настоящие укрепленные замки.

Однако порой факты, приводимые античными авторами и не укладывающиеся в концепцию автора, либо игнорируются им, либо ставятся под сомнение. Так, сообщение Прокопия о том, что славяне грабили без разбора все население провинции (Procop. De bello Gothico, III.38) попросту вызывает недоверие автора. Такого быть не могло потому, что не вписывалось в концепцию автора. Да, славяне грабили и убивали, но их опустошительная сила распространялась против римского рабовладения. Больше того, для А. Д. Дмитриева славяне – это носители новых порядков, нового общественного строя, нового демократического устройства.

Автор приходит к выводу, что в период распада единой Римской державы на Востоке происходили события аналогичные тем, которые имели место на Западе: мощные народные движения сливались здесь с вторжением славянских племён и наносили совместно с ними сокрушающие удары Восточно–Римской рабовладельческой империи¹²⁰.

Что ещё хотелось бы отметить. Рассматривая движение скамаров и их действия в «союзе» со славянами, автор вольно или невольно, выходит за рамки античной эпохи и исследует события раннего средневековья, охватывающие VI и даже VIII вв. И тогда невольно возникает вопрос: если рассматриваются события VI и даже VIII вв., то о каком же тогда римском рабовладельческом строе можно вести речь?!

Завершала цикл статей по истории социальных движений в период поздней Римской империи публикация, посвящённая народным движениям в восточно–римских провинциях в период Дунайских войн III в. (238–278 гг.)¹²¹.

Дунайские войны, происходившие в восточных провинциях Римской империи, с середины III в., в период глубокого социально–экономического

¹²⁰ Дмитриев А. Д. Движение скамаров. С.14.

¹²¹ Дмитриев А. Д. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. // Византийский Временник. Вып. VIII. 1956. – С.97–126.

кризиса, по мнению автора, являлись событием, до некоторой степени повлиявшим на дальнейшие исторические судьбы огромной рабовладельческой державы. Это бы первый могучий удар многочисленными европейскими племенами по рабовладельческому строю, в результате которого империя вынуждена была перестроить свой государственный аппарат, а вскоре окончательно распасться на восточную и западную части в обстановке непрекращающейся напряжённой борьбы с внешним и внутренними врагами. События, связанные с дунайскими войнами, дали возможность уяснить общие закономерности распада единой империи, – писал А. Д. Дмитриев¹²².

И опять в самом начале статьи автор выражает недоверие источнику (а этом случае – Киприану) за то, что тот, повествуя о борьбе римлян с вторгнувшимися на территорию Балкан и Малой Азии варварскими племенами, никак не упоминает о «внутренней социальной борьбе угнетенных римским завоеванием народных масс, восставших против римского господства»¹²³.

Попутно, как и в других своих работах, автор полемизирует с немецкими историками, которые основной ударной силой против Римской империи служили германцев-готы. По мнению А. Д. Дмитриева, такой силой были не готы, а гето-фракийские и сарматские племена, объединенные у античных авторов общим названием «скифы», а наблюдавшаяся в источниках путаница была связана с созвучием двух разных племен – «готы» и «геты». Доказательству того, что главную роль играли именно последние, посвящена добрая четверть статьи.

Вторжения III в. варваров в регион, по мнению автора, были бессистемными, эпизодическими и не имели никакого четкого плана. Однако их успех автор связывает с тем кризисом глубоким социально-экономическим и политическим кризисом, который охватил Римскую империю в III в. Этот кризис выразился в значительном ослаблении римской военной мощи, мятежах и дезертирстве армии, раздорах между придворными, частой смене императоров. Но решающую роль в успешных действиях варваров А. Д. Дмитриев отводит освободительной борьбе поработанного местного населения восточных провинций Римской империи, которая по разным

¹²² Дмитриев А. Д. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. // Византийский Временник. Вып. VIII. 1956. – С. 97.

¹²³ Там же.

причинам замалчивалась античными авторами. Значительные массы местного порабощенного населения и рабы были полны ненависти к римской цивилизации, разрушившей их общинные порядки.

«Самый характер вторжений, их стихийно-опустошительная сила была созвучно стихийным порывам рабов и угнетенных бедняков, ибо эта опустошительная сила развертывалась под знаком уничтожения рабовладельческой цивилизации»¹²⁴, – пишет автор, в словах которого слышится некий революционный пафос и романтизм.

Дунайские войны, по словам А. Д. Дмитриева, это не только борьба Римской империи с внешним врагом, это также и время ожесточенных битв народных масс восточных провинций с римскими войсками.

С подавлением народных движений связываются и те массовые гонения на христиан, которые имели место в 50–е годы III в. Малой Азии.

Не оставляет без внимания автор наступившую в III в. и эпоху «солдатских императоров» в Римской империи, в которых автор видит стремление недовольных солдатских масс идти на встречу всему восставшему населению.

Автор констатирует очевидный факт, что реорганизованная при Диоклетиане Римская империя одержала блестящую победу над противником, но без ответа остается вопрос о значении самих этих войн.

В данной статье, как нигде ранее, автор ссылается на работы зарубежных авторов. Это работы Б. Низе, В. Бенье, В. Христеску, Л. Робера, В. Парвана, Е. Людвиг и других современных авторов. По-видимому, эти события вызвали гораздо больший интерес у историков, а, может быть, А. Д. Дмитриев, преодолев спешку с написанием и защитой докторской диссертации, получил гораздо больше свободного времени, что предметно ознакомится с работами зарубежных авторов (в числе которых оказались даже румынские историки).

Не забывает А. Д. Дмитриев и сделать ссылку на работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», хотя в 1956 г., через три года после смерти вождя народов она могла казаться уже не столь актуальной.

«Исследуя так называемые дунайские войны III в., которые в прежней историографии рассматривались лишь как столкновение римлян с

¹²⁴ Дмитриев А. Д. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. // Византийский Временник. Вып. VIII. 1956. – С.106.

«варварами», А. Д. Дмитриев пришёл к выводу, что это были в то же время широкие социальные движения угнетённых римлянами народов Балканского полуострова, ускорившие разделение Римской империи на восточную и западную части», – писала З. В. Удальцова, оценивая данную статью А. Д. Дмитриева¹²⁵.

Давая общую оценку работам А. Д. Дмитриева, отметим оригинальность разрабатываемой им темы, которой до него ни в зарубежной, ни в отечественной историографии никто не занимался. Если советские учёные–антиковеды по целому ряду вопросов могли опираться на работы зарубежной историографии (особенно немецкой), то Александр Дмитриевич был лишён такой возможности: его научный аппарат в подавляющем большинстве состоял из указаний на первоисточники. Прекрасное знание классических языков, – древнегреческого и латинского (что неудивительно, ибо он родился в семье учителя древнегреческого языка), что позволило автору свободно оперировать источниками.

Свидетельством признания научных заслуг А. Д. Дмитриева явилась публикация его работы в Германии¹²⁶.

С самого начала своей работы в Черновцах А. Д. Дмитриев зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Так, в характеристике от 4 декабря 1946 г., подписанной заместителем ректора М. Е. Савченко, отмечалось, что «...за небольшой период работы в ЧГУ тов. Дмитриев показал себя достаточно эрудированным в своей области научным работником, глубоко знающим свой предмет. Лекции тов. Дмитриев читает на высоком идейно–теоретическом уровне. Тов. Дмитриев заслуженно пользуется авторитетом среди научных работников и студентов»¹²⁷.

За частыми командировками в Москву и Ленинград с целью сбора материала следовали фундаментальные статьи по теме его исследования. Так, весной 1947 г. А. Д. Дмитриев обращается к ректору ЧГУ с просьбой о предоставлении ему научной командировки в Киев и Москву с 20 марта 1947 г. сроком на месяц для работы над докторской диссертацией в библиотеках Академии Наук УССР и Академии Наук СССР». Командировка

¹²⁵ Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969 – С. 215.

¹²⁶ Dmtirev A. Der Aufstand der Westgoten an der Donau und die Revolution der Sklaven // Beitrage zur Geschichte der Sklavenhaltergesellschaft. Berlin, 1952. На сегодняшний день это издание стало уникальным и в даже в самой Германии наличествует только в одной библиотеки г. Берлина.

¹²⁷ АЧНУ. Акты 1951. № 56. Л. 11.

была предоставлена¹²⁸. В 1948 г. он снова просит и получает творческой отпуском с командировкой в Москву в январе 1948 г.¹²⁹ В том же 1948 г. с 28 ноября по 18 декабря он просит и получает командировку в Москву и Ленинград для завершения работы над докторской диссертацией и «проверок по источникам некоторых мест диссертации»¹³⁰. Следующую командировку ученый просит с 25 января 1949 г. сроком на 20 дней в Москву и Ленинград для «окончательного завершения диссертации и сдачи её к защите»¹³¹. И на этот раз командировка ученому была предоставлена без каких-либо препятствий или возражений. Все это позволяет предположить, что руководство ЧГУ, заинтересованное в появлении доктора исторических наук в периферийном ВУЗе, создавало все условия для написания и защиты А. Д. Дмитриевым докторской диссертации.

Но все-таки возраст Александра Дмитриевича (ему исполнился 61 год), а также ответственная административная работа по заведованию кафедрой и тяжелая учебная нагрузка не могли не сказаться на здоровье ученого и побудило его обратиться с просьбой о снижении ему учебной нагрузки накануне завершения и защиты докторской диссертации. Так, в своем заявлении в Главное Управление университетов Министерства Высшего образования в 1949 г. А. Д. Дмитриев просит установить ему учебную нагрузку в количестве 500 часов в год, приняв во внимание то, что он в настоящий момент готовится к защите докторской диссертации и уже получил отзывы от оппонентов, что напряженная работа в качестве заведующего кафедрой, вконец расшатала его здоровье, а прогрессирующий кардиосклероз, дополняемый «вредными... местными климатическими условиями», вызвали «сердечную слабость и перенапряжение сил». В своем заявлении ученый, напоминая о том, что он является пенсионером, изъявляет готовность перейти на более легкую для него работу по специальности¹³².

Однако он на этот раз понимания у Главного управления университетов он не нашел. В ответе, подписанном начальником Главного управления профессором К. Жигачем, было сказано, что «оформление и защита диссертации не может служить основанием к понижению академической

¹²⁸ АЧНУ. Акты 1951. № 56. Л. 18.

¹²⁹ Там же. Л.25.

¹³⁰ Там же. Л. 37.

¹³¹ Там же. Л.40.

¹³² Там же. Л.45–46.

нагрузки. В связи с этим удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным»¹³³.

Однако это не стало препятствием. Напрягая последние силы, ученый завершил диссертацию и разослал её оппонентам. В своем заявлении на имя ректора ЧГУ он просит предоставить ему очередную командировку с 15 февраля по 10 марта в Институт истории Академии Наук СССР и Ленинградский университет «для подготовки к защите и защите диссертации»¹³⁴. Естественно, и на этот раз командировка ему была предоставлена.

Логическим завершением научной работы ученого стала им защита докторской диссертации в Ученом совете исторического факультета Ленинградского государственного университета на тему: «Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров» 28 февраля 1950 г. Как это ни странно, но для того, чтобы ознакомиться с текстом автореферата диссертации А. Д. Дмитриева потребовались определенные усилия: как выяснилось, в Зональной научной библиотеки РГУ–ЮФУ он оказался списанным (!), и даже в ряде столичных научных библиотек, в т.ч. РГБ, его обнаружить тоже не удалось. К счастью, на помощь пришли коллеги из Черновицкого университета, любезно приславшие его текст. Кратко рассмотрим его основные положения.

Обосновывая актуальность темы, автор писал, что «буржуазная наука на всем протяжении своего развития не ставила перед собой задачу объективного подлинно научного исследования социальных движений в Римской империи»¹³⁵. Автор обрушивается на буржуазных ученых за то, что они в угоду классовым интересам буржуазии грубо искажали их характер и социальную направленность, и самое важное для автора диссертации – отрицали их прогрессивную и революционную роль. Вообще буржуазным историкам от автора достается, что называется, «по полной»: они обвиняются в непонимании закономерностей развития античного общества, в классовой ограниченности, и в конечном итоге – оказались бессильны правильно объяснить причины падения Римской империи. При этом наиболее всего достается немецким историкам (Палльману, Дану, Кауфману, Раппапорту, Витерсгейму и т.д.), которые, по словам автора, противопоставляя герман-

¹³³ АЧНУ. Акты 1951. № 56. Л. 44.

¹³⁴ Там же. Л.47.

¹³⁵ Дмитриев А. Д. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Автореф. дисс....д.и.н. Л., 1950. – С.3.

цев всем другим народам, в т.ч. и римлянам, прославляли «германский национальный дух». Далее, по заведенной в то время традиции, следует обязательный панегирик классикам марксизма-ленинизма-сталинизма, с перечислением их «мудрых указаний» о «революционной борьбе» угнетенных в древнем мире. Основной своей целью автор ставит «показать органическое слияние варварских вторжений и завоеваний с революцией порабощенных масс на различных этапах истории Римской империи – оказать, что революция рабов и варварское завоевание неотделимы, органически связаны, являясь только двумя сторонами одного и того же процесса, что самое варварское завоевание стало возможно благодаря революции рабов...»¹³⁶.

Далее автор обращает свой гнев на Римскую империю, которая, поработив многие народы, «оборвала процесс их самостоятельного развития», а сама романизация стала благом далеко не для всех покоренных народов. Далее, вскользь упомянув использованные им источники (труды Плиния Старшего, Страбона, Светония, Горация, Ювенала, Марциала, Тацита, Диона Хризостома), автор рисует картину той эксплуатации, которой подвергались рабы на территории империи. И далее автор переходит к краткому пересказу изложению того материала, который им ранее был уже изложен в перечисленных выше статьях (latrones, агонистики, багауды, буколы, скамаров и т.д.). С некоторым пафосом автор описывает взятие Рима Аларихом, к которому на помощь сбегались тысячи рабов, и в его изображении этот вождь варваров приобретает чуть ли не черты народного освободителя. Ну, и заключительный вывод автора не вызывает у нас никаких сомнений: совместная борьба внешних и внутренних революционных сил наносила удары как по Западной, так и по Восточной частям римской империи, «постепенно подтачивая самые основы рабовладельческого строя»¹³⁷.

Конечно, представленный автореферат по своей форме отличается от тех, к которым мы привыкли сегодня. Здесь отсутствует историография проблемы, хронологические рамки исследования, структура диссертационного исследования и т.д.

¹³⁶ Дмитрев А. Д. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Автореф. дисс....д.и.н. Л., 1950. – С. 6.

¹³⁷ Там же. С. 34.

В качестве оппонентов выступили ведущие ученые страны – профессора М. В. Левченко, О. Л. Вайнштейн и С. И. Ковалев.

В своем выступлении доктор исторических наук, профессор М. В. Левченко отметил, что в целом работу А. Д. Дмитриева нужно признать серьезным научным произведением, основанном на богатом материале, самостоятельно изученных источников, иногда впервые привлекаемых автором, показывающим, что А. Д. Дмитриев является зрелым и опытным историком, способным ставить и решать удовлетворительно трудные исторические вопросы. «Поэтому я считаю, что диссертация заслуживает присуждения автору искомой научной степени. Недочеты и ошибки не могут заслонить крупных достоинств работы, которую следует признать ценным вкладом в советскую историческую науку» – отметил первый оппонент¹³⁸.

В выступлении второго оппонента, доктора исторических наук, профессора О. Л. Вайнштейна, было особо указано на обилие в диссертации новых свежих материалов, «добытых трудолюбием автора из большого количества подчас малодоступных источников, материалов, сведенных в одну целую убедительную картину развития и подъема революционного народного движения в империи. Многие наблюдения и суждения автора, основательно документированные, несомненно, останутся в науке. Общий характер работы раскрывающей на большом конкретном материале глубину и истинность марксистско-ленинской концепции крушения Римской империи не оставляет никаких сомнений в том, что тов. А. Д. Дмитриев имеет полное право на получение ученой степени доктора исторических наук». ¹³⁹

Третий оппонент, доктор исторических наук, профессор С. И. Ковалев, отметил, что считает данную диссертацию одним из самых крупных произведений советской исторической литературы и что у него нет никаких сомнений в том, что автор диссертации заслуживает искомой ученой степени доктора исторических наук. Более того, С. И. Ковалев вышел с предложением к историческому факультету ЛГУ вынести постановление о необходимости скорейшей публикации диссертации А. Д. Дмитриева.¹⁴⁰

Диссертационный совет при ЛГУ согласился с мнением оппонентов и присудил А. Д. Дмитриеву ученое звание доктора исторических наук.

¹³⁸ АЧНУ. Акты 1951 г. № 56. Л.58

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. Л.59.

2. Концепция «революции рабов» как историографическая проблема

Проблематика, разрабатываемая в трудах А. Д. Дмитриева, требует своей оценки. Но при её оценке обязательно соблюдение одного важнейшего принципа: принципа *историзма*. Только учитывая исторические условия, в которых были написаны его работы и сама диссертация, можно понять и оценить написанные им труды.

Как известно, в отечественном антиковедении 1930–1980-х гг. тема классовой борьбы и рабских восстаний являлась одной из самых приоритетных. Её разрабатывали такие известные представители отечественного антиковедения и раннего средневековья, как С. И. Жебелев, С. И. Ковалев, Н. А. Машкин, В. А. Мишулин и некоторые другие. Важное место при этом занимала проблема перехода от рабовладельческого строя к феодализму и определению места рабских восстаний.

Тогда же, в конце 1930-х – начале 1950-х годов в отечественной историографии получил распространение тезис о «революции рабов». История его появления берет свое начало с 1933 г., когда в своем выступлении на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников И. В. Сталин заявил, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческий способ производства»¹⁴¹. Немного позднее в другой своей работе Сталин заявил, что «Не-римляне, т.е. все варвары, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»¹⁴². Оба эти выражения затем соединены «методологами» марксистской отечественной историографии и сделаны, о сути, каноническими. Опираясь на них, некоторые советские историки стали строить свои исследования.

В развитии тезиса о «революции рабов», на наш взгляд, можно выделить два этапа. На первом этапе историки-антиковеды старшего поколения – С. А. Жебелев, С. И. Ковалев, А. В. Мишулин – пытались связать его с великими рабскими восстаниями II – I вв. до н.э. – I и II восстания рабов на Сицилии, восстанием Аристоника в Пергаме, восстанием Спартака, и даже Савмака на Боспоре. Согласно этой теории рабы – «класс-гегемон» и «дви-

¹⁴¹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд.11. М., 1952. – С. 412.

¹⁴² Там же. С. 432.

жущая сила революции», объединяет вокруг себя «союзников» – свободных крестьян и другие эксплуатируемые слои античного общества.

Однако уязвимость этой теории сразу же стала очевидна: упомянутые ученые оказались ее в состоянии ответить на вполне естественный вопрос: почему же тогда падение рабовладельческого строя произошло не в I в. до н.э., а шесть веков спустя: в V в. н.э. И тогда ученые марксисты, пытаясь найти выход из положения, стали говорить о двух этапах развития революции: первый, естественно, охватывал II–I вв. до н.э., а второй уже включал в себя III–V вв. Но если первый этап уже был достаточно исследован, то за разработку второго этапа взялись совершенно другие люди, в частности, профессор А. Д. Дмитриев. К тому же существенному пересмотру была подвернута идея о союзнике «гегемона»: если на первом этапе в качестве такового рассматривалось «угнетенное крестьянство», то на втором этапе в качестве такового вопреки всякому здравому смыслу им уже были объявлены варвары.

В 1950 г. в «Византийском Временнике» вышла большая редакционная статья «Методологическое значение высказываний И. В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения». «В сочетании с революцией рабов варварские завоевания явились одной из форм того поворота, который положил конец рабовладельческой формации и начало феодализму», – говорилось в статье¹⁴³. Упомянутая редакционная статья, по сути, призывала отечественных ученых в своих исследованиях руководствоваться именно этими положениями И. В. Сталина.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов активным пропагандистом этой концепции и стал А. Д. Дмитриев. При этом нельзя не отметить, что концепция А. Д. Дмитриева оказалась настолько привлекательной, что её без всяких колебаний и возражений приняли авторы учебника по истории средних веков¹⁴⁴.

Активным критиком сталинского тезиса о «революции рабов» стал профессор Василий Трофимович Сиротенко (1915–2006)¹⁴⁵. Основным моментом, который вызвал его резкое неприятие, заключался в якобы существо-

¹⁴³ Методологическое значение высказываний И. В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения // Византийский Временник. Т. III. 1950. – С. 5.

¹⁴⁴ История средних веков. Т. 2. М., 1952. – С. 52.

¹⁴⁵ Из новейших работ о тезисе о революции рабов см. интересную работу армавирского исследователя Д. А. Волошина: Волошин Д. А. Теория революции рабов. Ставрополь, 2016.

вавшем союзе между местным населением и варварами. Именно варваров он называет деструктивной силой, несущей только смерть и разорение. Он привел многочисленные факты, свидетельствующие о том, что местное население сопротивлялось готскому вторжению¹⁴⁶. Таким образом, именно В. Т. Сиротенко выступил главным оппонентом А. Д. Дмитриева, концептуальные расхождения между которыми весьма существенны. Но, несмотря на то, что в данном вопросе авторы придерживались диаметрально противоположных позиций, В. Т. Сиротенко непосредственно вступает в полемику с А. Д. Дмитриевым только в одной своей статье, на которую выше мы сделаем необходимую ссылку. «Вопреки прямым свидетельствам позднеантичных писателей о борьбе народных масс против готов А. Д. Дмитриев утверждал, будто восстание вестготов дало сигнал к всеобщему восстанию рабов и колонов в Мезии и Фракии и послужило опорой в их освободительной борьбе», а «вестготы растворились в этой массе поднявшегося на борьбу туземного населения этих провинций», – писал В. Т. Сиротенко¹⁴⁷.

В другом своем пассаже в той же статье, рассказывая о вторжении Алариха в Иллирию, В. Т. Сиротенко приводит перевод А. Д. Дмитриевым отрывка из произведения поэта Клавдиана, который, якобы, писал, что «вся Иллирия пришла в движение, когда Аларих вторгся туда, и сам Марс и сама Беллона, вооруженная крестьянской косой, руководила этим восстанием». То, что сам А. Д. Дмитриев не привел указанные строчки из Клавдиана, побудило В. Т. Сиротенко самому обратиться к первоисточнику и сделать собственный перевод. Как оказалось, в упомянутых строках Марс не упоминался вообще, а о сестре бога войны Беллоне говорится, что она оросила кровью платье иллирийцев. Что же касается выражения «Беллона с косой», то, по словам В. Т. Сиротенко, это всего лишь образное выражение, а сам поэт имел в виду «косу смерти». Но самое важное, по словам В. Т. Сиротенко, то, что в инвективе, на которую ссылается А. Д. Дмитриев, нет и намека на восстание иллирийцев в поддержку Алариха. Однако, критикуя дмитревскую интерпретацию перевода Клавдиана, В. Т. Сиротенко сам при переводе упомянутого пассажа допускает некоторую неточность: речь идет

¹⁴⁶ Сиротенко В. Т. Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV–V вв // Ученые записки Пермского государственного университета им А. М. Горького. 1966, № 143. – С. 28.

¹⁴⁷ Там же. – С. 24.

о Беллоне, которая скосила серпом (дословно – *stringere falsem*) народ, успокоив волнение и изгнав веселье (...*moline tumultus ...excute delictas* – Claud. 11.144). Но суть не в этом. Одно дело – небольшая неточность перевода, совсем иное – откровенная фальсификация представленных пассажей Клавдиана, на которую решился А. Д. Дмитриев.

О чем может свидетельствовать приведенный факт? Мы далеки от мысли, что А. Д. Дмитриев, человек, получивший образование в Киевской духовной академии и отлично знавший древние языки, мог сделать неверный перевод. Скорее всего, речь может идти о сознательном его искажении с единственной целью: найти ещё одно доказательство своей концепции.

Понимал ли Александр Дмитриевич все конъюнктурность и искусственность разрабатываемых им схем? У нас есть все основания предполагать, что понимал. Однажды в частной беседе со своим последним аспирантом Н. П. Доценко он, оправдываясь от предъявляемых ему обвинений в тиражировании тезиса о «революции рабов», прямо заявил, что он вынужден был так писать, иначе рисковал лишиться не только любимой работы, но и самой своей жизни. Это трудно понять сегодня, но, чтобы это ощутить, желательно хотя бы на короткое время оказаться в той сложной для историка ситуации.

В целом же критика Василия Трофимовича конкретно А. Д. Дмитриева и его взглядов носит весьма сдержанный характер, хотя противоречия обоих авторов во взглядах весьма разительны. В этой связи, у нас возникает естественный вопрос: были ли лично знакомы А. Д. Дмитриев и В. Т. Сиротенко? Если были, то, когда могли пересекаться их жизненные пути? При этом надо учитывать, что разница в возрасте между ними составляла 27 лет. По нашему мнению, такое знакомство могло иметь место именно в период с 1947 по 1951 годы, во время работы обоих в Украине. Именно в это время А. Д. Дмитриев был заведующим кафедрой Всеобщей истории в Черновицком университете, а В. Т. Сиротенко заведовал кафедрой в Черниговском пединституте. Затем пути ученых разошлись, и они оба почти одновременно покинули Украину: Александр Дмитриевич, как оказалось, навсегда уехал в Ростов-на-Дону, а Василий Трофимович отправился в Калугу. Именно этим объясняется, на наш взгляд, та осторожная и весьма сдержанная, по нашему глубокому убеждению, весьма объективная критика, которой Василий Трофимович подверг критике А. Д. Дмитриева.

Что же касается пресловутого тезиса «революции рабов», то последнюю точку в споре о нем поставил С. Л. Утченко. Не отвергая в целом применении понятия «социальная революция» к событиям древней истории, он сделал ряд важнейших оговорок. Господство этого тезиса, по его мнению, привело к тому, что отечественными историками значительно переоценивалась зрелость революционной сознательности рабов, делались попытки представить рабов в качестве некоего гегемона революции, а италийское крестьянство – в качестве его союзника. Однако, такие утверждения никак не вытекали из имеющегося материала. По словам С. Л. Утченко, эти две совершенно самостоятельные линии борьбы, которые в тех исторических условиях и не могли слиться воедино¹⁴⁸.

Таким образом, попытка превратить две случайно брошенные И. В. Сталиным фразы в некую методологическую базу не только для уяснения характера народных движений античной эпохи, но и для объяснения перехода от рабовладения к феодализму, оказалась, по меньшей мере, бесперспективной.

Казалось бы, все для Александра Дмитриевича складывалось как нельзя лучше: весной того же 1950 г. Ученый совет Черновицкого университета в количестве 40 человек единогласно принимает решение о присвоении А. Д. Дмитреву ученое звание профессора и ходатайствует перед ВАК при МВО СССР об утверждении решения ученого совета ЧГУ¹⁴⁹. Чуть позднее 26 марта 1950 г. приказом по Главному Управлению университетов Министерства Высшего образования он был утвержден в должности заведующего кафедрой Черновицкого университета.

Но собирался ли А. Д. Дмитрев и дальше, после защиты докторской диссертации работать в Черновцах? На этот счет существуют обоснованные сомнения. В архиве Черновицкого университета сохранился один любопытный документ – протокол заседания кафедры древней истории от 2 ноября 1950 г., т.е. через 8 месяцев после защиты им докторской диссертации. На заседании кафедры рассматривался вопрос «...о предоставлении А. Д. Дмитреву научной командировки в Москву в Институт Истории Ака-

¹⁴⁸ Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. – С. 14.

¹⁴⁹ АЧНУ. Л. 61.

демии Наук СССР для работы над монографией «Славянские вторжения в Византийскую империю и революция рабов»¹⁵⁰.

Восемь месяцев назад защищена докторская диссертация, которой предшествовали регулярные командировки в столицы, и вот просьба о новой командировке. Весьма интересно сформулировано её обоснование: «Имея в виду, что изучение проблемы славянских вторжений в Византию в связи с революцией рабов и колонов является одной из важнейших задач советской исторической науки...., то появление в печати монографии т. Дмитриева нанесет удар реакционным буржуазным историкам, принижая роль славян в мировой истории, что данная тема одобрена секцией истории древнего мира и средних веков Института Истории Академии Наук СССР и в плане Черновицкого Государственного университета утверждена МВО, что источники по данной теме находятся в хранилищах Москвы и Ленинграда, что командировка т. Дмитриева в ноябре никакого ущерба учебным занятиям не будет, кафедра истории древнего мира считает необходимым для успешного выполнения данной работы т. Дмитриева предоставление возможности работать в центральных книгохранилищах, постановляет ходатайствовать перед ректором Черновицкого Государственного университета о предоставлении т. Дмитриеву А. Д. научной командировки в ноябре текущего года»¹⁵¹.

По всей вероятности, почувствовав расположение ректората, выжившееся в получении в ходе работы над докторской диссертацией регулярных командировок в Москву и Ленинград, он решил продолжить подобную практику и после защиты. Едва ли сразу же после защиты докторской диссертации, которая, как признавался сам Александр Дмитриевич, отняла у него много сил и здоровья, он сразу же принялся бы за работу над монографией по новой для него теме. Нельзя также исключить и того, что во время подобных командировок появлялась возможность прозондировать почву на предмет будущего трудоустройства.

В личном деле А. Д. Дмитриева сохранился один весьма странный документ, который позволяет с уверенностью предположить, что в Черновцах у А. Д. Дмитриева складывалось нет так все гладко, как это может показаться на первый взгляд. Это ответ на имя ректора ЧГУ К. М. Леутского и са-

¹⁵⁰ АЧНУ. Л. 64.

¹⁵¹ Там же.

мого А. Д. Дмитрева из Главного Управления университетов, в котором говорилось о том, что просьба А. Д. Дмитрева о его переводе из Черновицкого госуниверситета в Сталинградский пединститут на преподавательскую работу «...в настоящий момент не может быть выполнена ввиду отсутствия подходящей кандидатуры для Вашей замены». Данный ответ датировался 11 августа 1950 г.

Что побудило Александра Дмитриевича искать новое место работы тогда, когда, казалось бы, его научная и педагогическая карьера неуклонно шла в гору? К сожалению, документы, отложившиеся в лично деле ученого, не дают нам ответа на данный вопрос. Тем не менее, четкий ответ на данный вопрос содержится в статье черновицкого учёного Б. М. Боднарюка, посвященной жизни и деятельности А. Д. Дмитрева, который имел возможность получить информацию из «первых рук», т.е. у бывших коллег ученого по Черновицкому университету. Как сообщает Б. М. Боднарюк, Александр Дмитриевич обращался в Министерство образования и науки СССР с просьбой открыть аспирантуру и разрешить ему научное руководство по специальности «Античная история» и «История Византии». Чиновники Министерства под разными предлогами отклоняли эти прошения. Сначала они мотивировали это тем, что А. Д. Дмитрев не имел звания профессора. После получения звания профессора он вновь с той же просьбой обратился в Министерство. На этот раз он снова получил отказ, но уже без пояснения причин¹⁵².

И тогда А. Д. Дмитрев принимает радикальное решение: он пишет заявление об увольнении из Черновицкого университета и переходе на пенсию. Однако, как следует из приказа по Главному управлению университетов Министерства, направленного в ЧГУ, этому предшествовало обращение А. Д. Дмитрева в Министерство. На основании обращения ученого Главное управление приказывает освободить А. Д. Дмитрева от должности заведующего кафедрой ЧГУ в связи с переходом на пенсию. Отделу кадров ЧГУ осталось лишь выполнить полученный из Москвы приказ¹⁵³. По окончании отпуска, с 27 августа 1951 г. А. Д. Дмитрев был освобожден от должности по собственному желанию.

¹⁵² Боднарюк Б. М. Життя і наукова діяльність історика-византиниста Олександра Дмитрева // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Т.2. Чернівці, 2010. - С.12.

¹⁵³ АЧНУ. Акты 51 г. № 56. Л. 83–85.

Как пенсионер, он имел для этого основания. В проигрыше остался лишь Черновицкий университет, который затратил немалые средства на подготовку доктора исторических наук, но в конечном итоге его потерял.

Вместе с тем нельзя не отметить, что большинство советских учёных, изучавших рабские восстания, находились под влиянием пресловутого сталинского тезиса о «революции рабов», которая якобы, привела к ликвидации рабовладельческого строя. Александр Дмитриевич не избежал этого влияния. Но едва ли справедливо обвинять его в этом: таковы были исторические условия и общие тенденции развития античного исторической науки. Как-то однажды в частной беседе со своим аспирантом Н. П. Доценко Александр Дмитриевич, оправдываясь от обвинений о тиражировании им пресловутого сталинского тезиса о «революциях рабов», прямо сказал, что он был вынужден писать так, иначе он рисковал не только лишиться любимой преподавательской работы, но и самой своей жизни. Хотелось бы привести оценку трудов А. Д. Дмитрева, данную известным специалистом по ранней истории Византии профессором З. В. Удальцовой: «Далеко не все в работах А. Д. Дмитрева бесспорно. В них немало натяжек, априорных выводов и малодостоверных гипотез. Слабо, например, показана связь социальных движений с экономическими и политическим сдвигами, происходившими в Поздней Римской империи. В критических статьях высказывалось сомнение отношении гипотезы о совместных выступлениях скамаров и славян на Балканском полуострове в VI–VIII вв. А. Д. Дмитрева упрекали также в некоторой идеализации движения разбойников-латронов.

И тем не менее, несмотря на эти недостатки, для трудов А. Д. Дмитрева характерен пафос учёного-исследователя, хотя, быть может, иногда ошибавшегося, но глубоко заинтересованного в раскрытии подлинной роли народных масс в социальном перевороте, происшедшем на грани античного и средневекового миров. Собранный учёным огромный материал источников, эрудиция исследователя, хорошее знание им древних языков – всё это заставляет отнести к его трудам со вниманием и, отбросив априорные построения, взять из этих работ то ценное и полезное, что в значительной степени помогает воссоздать полнокровную картину социальных движений в Поздней Римской империи» (16). Подобную оценку я полностью разделяю.

А. Д. Дмитриев участвовал в подготовке 2-го издания Большой Советской Энциклопедии где им было написано более десятка статей по истории Древнего Рима. И это, как нельзя лучше свидетельство о том авторитете, которым пользовался А. Д. Дмитриев в отечественном антиковедении как ведущий специалист по проблемам поздней Римской империи.

В последние годы жизни он готовил к изданию монографию «Очерки по истории народных движений в Римской империи» (объемом в 30 печатных листов), однако смерть помешала завершить начатое дело. К сожалению, судьба данной рукописи так и осталась неизвестной. Скорее всего, она была вывезена вдовой А. Д. Дмитриева Любовью Алексеевной из Ростова-на-Дону и теперь следы её, к сожалению, уже утеряны навсегда.

В списке трудов А. Д. Дмитриева указан ещё ряд работ и газетных статей, которые остались для нас недоступны. Это статьи «Древнегреческие мыслители–материалисты о религии» и «Происхождение и сущность религиозных праздников и обрядов», которые были опубликованы в местной ростовской газете «Звезда» в 1955 г. В 1954 г. им была опубликована, по всей вероятности, брошюра «Происхождение и классовая сущность христианства». Судя потому, что этой работы нам не удалось обнаружить ни в одной из библиотек г. Ростова-на-Дону, едва ли это была объемная научная монография.

В 1951 г. профессор А. Д. Дмитриев уже навсегда вернулся в Ростовский государственный университет. В июле того же года его избрали на должность заведующего кафедрой всеобщей истории (в июне 1957 г. на эту же должность он был переизбран во второй раз, однако в 1960 г. по состоянию здоровья был освобождён от заведования кафедрой). Тогда же, в 1951 г. на кафедре всеобщей истории была открыта аспирантура по специальности «история древнего мира», а профессор А. Д. Дмитриев получил право научного руководства.

Однако нам удалось обнаружить один довольно любопытный документ, который ставит перед нами ряд вопросов. Речь идет о некоем Приказе от 7 августа 1953 г. об отмене Управлением университетов и юридических вузов об утверждении в должности А. Д. Дмитриева заведующего кафедрой Одесского ГУ им. Мечникова как избранного по конкурсу¹⁵⁴. Выбор уче-

¹⁵⁴ Архив ЮФУ. Ф.р. – 46. Оп.22. Д. 65. Л.17.

ным названных городов вполне понятен: и в Одессе, и в Ростове-на-Дону он ранее работал и эти города ему были хорошо знакомы.

О чем может свидетельствовать данный документ? Прежде всего, о том, что, А. Д. Дмитриев, скорее всего, одновременно предложил свои услуги не только Ростовскому, но и Одесскому Государственному университету. Руководство Ростовского университета в лице неутомимого ректора Юрия Андреевича Жданова «сыграло на опережение», предложив А. Д. Дмитреву требуемые им условия. Хотя с Одессой, как мы помним, его связывали давние отношения.

Вспоминая о своём научном руководителе, Ю. В. Кнышенко писал: «Посещая лекции и семинарские занятия молодых преподавателей кафедры, руководя аспирантами, с удивительным тактом, но и с требовательностью помогал их педагогическому и научному росту. Блестящие по форме, содержательные лекции самого Александра Дмитриевича вызывали у студентов стремление к исследовательской работе. Эти лекции были построены на глубоком знании источников, самостоятельной их интерпретации. Слушать профессора А. Д. Дмитрева приходили не только историки – он давал основательные знания, развивал у слушателей историзм мышления»¹⁵⁵.

А. Д. Дмитриев сотрудничал с городским институтом усовершенствования учителей. Его лекции вызывали огромный интерес у учительской аудитории города. Александр Дмитриевич являлся членом национального комитета историков СССР. Он был рекомендован в качестве делегата на XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме, однако из-за болезни не смог туда поехать¹⁵⁶.

До конца своих дней А. Д. Дмитриев не только продолжал заниматься наукой, но и по установившейся в Черновцах традиции, выезжать в командировки в столицы. Как вспоминал, Н. П. Доценко, в время его обучения в аспирантуре во время одной из своих поездок в Москву, в библиотеке им. В. И. Ленина он неожиданно встретил А. Д. Дмитрева, где они провели короткую консультацию. Если принять во внимание, что Н. П. Доценко поступил в аспирантуру в 1960 г., то в лучшем случае он встретил там своего научного руководителя за полтора года до его смерти.

¹⁵⁵ Кнышенко Ю. В., А. Д. Дмитриев (1888–1962) // Путиами познания. Ростов-на-Дону, 1985. – С. 64.

¹⁵⁶ Архив ЮФУ. Ф. р-46. Оп.22. Д.65. Л.18.

Наверное, портрет Александра Дмитриевича будет неполным, если не сказать о нем, как о *человеке*. Как вспоминала Наталья Васильевна Бакулина, в те времена – молодой ассистент кафедры, заняв должность заведующего кафедрой, А. Д. Дмитриев старался сплотить коллектив. Он несколько раз приглашал коллег по кафедре к себе домой, где они совместно отмечали дни рождения и праздники. Он был нетерпим к разного рода склокам и интригам на кафедре, всеми силами пытаясь их избегать. Но перед начальством он соблюдал пиетет, стараясь выполнять все идущие «сверху» указания.

По воспоминаниям наших учителей удалось восстановить и внешний облик Александра Дмитриевича. По словам Евгения Николаевича Осколкова, это был высокий сухой старик с копной седых волос. В перерывах между заседаниями Ученого совета он любил рассказывать анекдоты, вызывая смех и улыбки всегда окружающих его коллег.

С огромной теплотой об Александре Дмитриевиче отзывался к.и.н., доцент кафедры Истории России Николай Семенович Коршиков, который принимал участие в похоронах профессора.

Тяжёлая болезнь подкрадывалась медленно и неумолимо (у Александра Дмитриевича был рак). В 1960 г. он по состоянию здоровья ушёл с заведования кафедрой. По воспоминаниям доцента исторического факультета Н. Н. Диордиева, студенты, любившие своего профессора и видя, как тяжело ему стоять два часа за кафедрой во время лекции, изготовили для него удобное кресло и длинную указку, с помощью которой А. Д. Дмитриев мог не вставая, указывать на карте маршруты различных походов эпохи античности.

По словам его коллеги, Натальи Васильевны Бакулиной, Александр Дмитриевич страдал проблемами желудочно-кишечного тракта. Даже когда болезнь окончательно приковала А. Д. Дмитриева к постели, он старался не терять связей с факультетом, не утратил чувство юмора. По воспоминаниям В. И. Кияшко, тогда молодого преподавателя, умирающий Александр Дмитриевич буквально настоял на том, чтобы Владимир Яковлевич, исполнявший тогда должность профорга, пришёл к нему домой и получил с него профсоюзные взносы. Как вспоминал Н. П. Доценко, кандидатский экзамен по специальности ему пришлось сдавать у постели смертельно больного А. Д. Дмитриева, вместе с которым в составе комиссии были И. П. Хлыстов и Ю. В. Кнышенко.

Близко знавший профессора, Юрий Венедиктович Кнышенко писал, что, даже будучи «...прикованным к постели тяжелым недугом, Александр Дмитриевич не переставал строить планы на будущее и по-юношески восхищаться и гордиться достижениями своей страны»¹⁵⁷. Как поведал автору этих строк Николай Павлович Доценко, тяжело больной ученый, показав ему кусочек пожелтевшей и сморщенной кожи на одной из частей своего тела, с шуткой заметил: «Смотрите, Николай Павлович, я заживо мумифицируюсь».

Смерть наступила в ночь с 19 на 20 сентября 1962 года. Автору этих строк удалось посмотреть справку о смерти Александра Дмитриевича из Архива ЗАГСа, из которой следовало, что известие о его смерти было получено от коллеги по кафедре – Михаила Абрамовича Люксембурга.

На следующий день, 21 сентября в вестибюле Главного корпуса РГУ состоялась торжественная панихида. Казалось, весь университет вышел проводить в последний путь профессора А. Д. Дмитриева. Похоронен был Александр Дмитриевич на Братском кладбище. Могила его, к сожалению, не сохранилась, и все попытки найти её не увенчались успехом. В общем-то это неудивительно, ибо после смерти Александра Дмитриевича его вдова Любовь Алексеевна и дочь Наталья Александровна, не имея в Ростове-на-Дону никаких родственников, поменяли квартиру и уехали на Украину, где и теряются их следы.

3. Школа профессора А. Д. Дмитриева

За время своего пребывания в стенах Ростовского государственного университета профессор А. Д. Дмитриев успел обзавестись группой учеников, которые под его руководством успешно защитили диссертации, став кандидатами исторических наук по довольно редкой специальности – история Древней Греции и Рима. С этой позиции мы вправе вести речь о «школе» профессора А. Д. Дмитриева.

¹⁵⁷ Кнышенко Ю. В., А. Д. Дмитриев (1888–1962) // Путиями познания. Биографические очерки о видных ученых Ростовского государственного университета им. М. А. Сулова. Ростов-на-Дону, 1985. С. 60.

После защиты докторской диссертации, а затем и её утверждения Высшей Аттестационной комиссией, на кафедре Всеобщей истории РГУ была открыта аспирантура, а объединённый совет (а в те времена он включал в себя не только историков, но и учёных других специальностей) – право защиты диссертаций по специальности «история древнего мира».

И здесь мне бы хотелось рассказать одну загадочную историю, которую разгадать до конца мне так и не удалось. Однажды в каталоге Зональной научной библиотеки РГУ мне попался автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, где значилась фамилия *Е. И. Патлажан*. Местом защиты значился г. Ростов-на-Дону! Это была *первая* защита диссертации по истории древнего мира в Ученом совете Ростовского университета. К сожалению, на обложке автореферата не указывалось полное имя и отчества соискателя, поэтому на тот момент не представлялось возможным даже определить пол соискателя. И если что-то ещё насторожило, так это тема соискателя. Она совпадала с тематикой одной из глав докторской диссертации самого А. Д. Дмитриева. Многие вопросы относительно загадочной персоны соискателя удалось прояснить лишь после того, как мной в Государственном архиве Ростовской области было обнаружено личное дело соискателя Ефима Израилевича Патлажана¹⁵⁸.

Кто же был такой этот загадочный Ефим Израилевич Патлажан? Как выяснилось, он родился 23 августа 1923 г. в г. Одессе. Еврей, из мещан. В 1930 г. поступил в среднюю школу. В 8 классе вступил в комсомол. После окончания школы был принят на исторический факультете ОГУ. В начале июля был мобилизован в РККА. Службу начал в 1941 г. в 68-й Морской стрелковой бригаде, заместителем политрука роты, затем политруком разведки. В 1942–1943 – находился на излечении после ранения, а затем стал слушателем курсов младших лейтенантов, командиров огневого взвода. 1944 – 7.1945 – слушатель специального ф-та Военного института иностранных языков РККА, 1945–1946 – переводчик 505 ОРБ в/пл. В партию вступил на фронте в 1942 г. В августе 1945 г. по служебной командировке побывал в г. Мармор-Сигет в Румынии. ОГУ окончил в 1950 г.¹⁵⁹.

После демобилизации Ефим Израилевич продолжил свое образование в ОГУ. За отличную учебу он был удостоен Сталинской премии. В

¹⁵⁸ ГАРО. Ф. р. – 46. Оп.10. Д.1644.

¹⁵⁹ Там же. Л.16.

1950–1953 гг. он аспирант ОГУ. После окончания аспирантуры с 1953 г. работал преподавателем Станиславского пединститута¹⁶⁰. Владел немецким, английским, русским и украинским языками. Проживал в г. Одессе: ул. Короленко, 8, кв.5.

И здесь вновь перед нами возникают вопросы, точные ответы на которые едва ли нам удастся найти. Каким образом Е. И. Патлажан оказался в г. Ростове-на-Дону? Какое отношение к нему имел профессор А. Д. Дмитриев?

У нас нет сомнений в том, что в судьбе Е. И. Патлажана Александр Дмитриевич принял самое активное участие. К сожалению, в 1950-е годы на обложке автореферата не указывалась фамилия научного руководителя, но поскольку А. Д. Дмитриев выступал на защите в роли первого оппонента, это делало его научное руководство невозможным. Но до самой защиты им было организовано оперативное обсуждение диссертации Е. И. Патлажана на кафедре Всеобщей истории с последующей рекомендацией её к защите.

По всей вероятности, научным руководителем И. Е. Патлажана был известный одесский ученый-педагог, профессор Артемий Григорьевич (Арон Гиршевич) Готилиб-Готалов (1866–1960), с которым А. Д. Дмитриев, по-видимому, был знаком ещё по Одессе. Поскольку Ученый совет по защитах Одесского Государственного университета не имел права принимать к защите диссертации по истории древнего мира, А. Г. Готлиб-Готалов направил своего ученика в г. Ростов-на-Дону, где А. Д. Дмитриев и взял над ним «шефство».

Процитируем выписку из протокола № 10 заседания Учёного совета историко-филологического факультета РГУ им. В. М. Молотова от 19 февраля 1954 г.

Присутствовали члены совета Дьяченко Ф. Ф., Пронштейн А. П., Дмитриев А. Д., Семернин П. В., Прозоров А. К., Левизов А. Г., Резванов В.М., Медников Н. Е., Кузнецов В. И., Кривин М. М., Громов Л. П., Волобринская Т.С., Петелин Г. С., Синичкина Л. Н., Шпарлинский Г. М., Овчинникова В. С., Милых М. К., Левчук В. И., Сутягин В. С., Никифоров С. В., Задёра А. Г.

Слушали: публичную защиту диссертации на соискание ученой степени к.и.н. преподавателем Станиславского пединститута Патлажана Ефима Израилевича на тему *«Кризис рабовладельческого строя и революцион-*

¹⁶⁰ ГАРО. Ф. р. – 46. Оп.10. Д.1644. Л. 19.

ное движение эксплуатируемых масс в восточной части Римской империи в последней трети IV в.». Сама диссертация представляла из себя работу объемом в 306 стр. стандартного машинописного текста и состояла из 13 глав (5 посвящены первому разделу, озаглавленному «Кризис рабовладельческого строя», и 8 глав – II раздел «Революционное движение эксплуатируемых масс, введения и заключения. Используются произведения классиков м.-л. (35 произведений), 49 первоисточников, труды отечественных исследователей 95 работ и 56 работ зарубежных авторов.

На заседании диссертационного совета Ученому секретарю был задан волне естественный вопрос: почему диссертант не защищается в Одесском Государственном Университете? На что последовал ответ Ученого секретаря что в ОГУ не имеет право защиты диссертаций по кафедре древней истории.

Официальными оппонентами выступили – д.и.н., профессор Дмитрев А. Д., и к.и.н. доцент Витков З. А.. В прениях выступил студент 3 курса исторического отделения РГУ Ю. А. Семёнов¹⁶¹.

Результаты голосования: из 21 – «за» 20, «против» – 1.

После процедуры защиты было возбуждено ходатайство перед ученым советом РГУ об утверждении постановления Ученого совета историко-филологического факультета о присвоении Е. И. Патлажану ученой степени кандидата исторических наук¹⁶².

Насколько можно судить на основании выписки из заседания Ученого Совета РГУ 1954 г. № 13, там все прошло не так гладко: из 39 бюллетеней – 28 «за», 10 – «против», испорченный – 1. Скорее всего, свою роль сыграло то, что защищался никому неизвестный соискатель «со стороны», к тому же по малоизвестной кому-либо теме. Не случайно член Ученого совета РГУ доцент Никитин задал волне резонный в этих условиях вопрос: что нового внёс диссертант? Видимо, утвердительный ответ профессора А. Д. Дмитриева, несмотря на его авторитет, убедил далеко не всех.

Некоторый интерес представляют отзывы официальных оппонентов, особенно Александра Дмитриевича. В своем выступлении он сказал:

«Предлагаемая нашему вниманию диссертация является первым опытом разработки темы о народных движениях в указанные годы в широ-

¹⁶¹ ГАРО. Ф. р. – 46. Оп.10. Д. 1644. Л.77.

¹⁶² Там же. Л. 81.

ком монографическом плане с учётом последних достижений советских историков и с привлечением основных источников и литературы, прямо или косвенно относящихся к теме и хорошо проштудированной диссертантом¹⁶³. Недостаток: все приводимые автором взгляды и концепции представителей зарубежной и русской буржуазной историографии относятся главным образом к Западной Римской империи и почти не касаются её Восточной части, которая является предметом специального исследования Е. П. Диссертанту не удалось внутренне связать эти две части, чтобы из первой вытекала непосредственно вторая»¹⁶⁴. Но слабая разработка вопроса о сельской общине.

Главы III, IV, V, VI (стр. 149–212) в которых излагаются восстания вестготов в 376 г. и последовавшие затем народные движения, продолжавшиеся в разных формах от открытых массовых восстаний до партизанской борьбы до самого правления Феодосия I – эти главы можно посчитать лучшими главами диссертации. Здесь события на Дунае и прилегающих областях даются в развёрнутом виде и исследуются более или менее глубоко¹⁶⁵. Надо признать, что диссертанту удалось хорошо показать характер огромного восстания низов в Антиохии в 387 г.¹⁶⁶. Диссертант впервые в нашей исторической литературе показал истинное лицо императора Феодосия I, которого реакционные церковные историки вознесли на высоту, назвав великим. Диссертант показал его, как «кровавого палача трудящихся масс»¹⁶⁷. «В сочетании с восстаниями рабов и колонов, борьба против рабовладельческого строя трудящихся городов открывала дорогу усиливавшимся варварским вторжениям, расшатывало основы рабовладельческой империи, приближало её окончательную гибель» (С.238 диссертации) Диссертант осмыслил проблему кризиса рабовладельческого строя во всех его аспектах с позиций марксистско-ленинской методологии и хорошо изучил высказывания классиков м-л., освещающие многие стороны этой проблемы. В то же время диссертант обнаружил достаточно знание предмета избранной

¹⁶³ ГАРО. Ф. р. – 46. Оп.10. Д. 1644. Л.42.

¹⁶⁴ Там же. Л.45–46

¹⁶⁵ Там же. Л.53.

¹⁶⁶ Там же. Л.55.

¹⁶⁷ Там же. Л.57.

специальности и показал несомненную способность к самостоятельному научному исследованию¹⁶⁸.

Второй оппонент, к.и.н., доцент Ростовского педагогического института З.А. Витков отметил, что Ефим Израилевич Патлажан в своей диссертации совершенно правильно обратил внимание на ту историческую роль, которую сыграли в разгроме Римской империи славянские племена – предки современного русского, украинского и белорусского народов. Диссертант собрал и обобщил большой материал о выступлениях народных масс в последней трети IV в., подверг исследованию и показал грандиозный характер этих событий, запечатлённых отрывочно на страницах произведений древних авторов. Особенно ярко это выглядит народное восстание в Антиохии¹⁶⁹. Диссертант глубоко владеет тем материалом, который является объектом его исследования. Часть источников использована автором в оригинале. Диссертант показал умением исследовать самые разнообразные источники и делать из них правильные марксистские выводы.

Среди недостатков З. А. Витков отметил, что «не совсем верно освещены причины, которые привели к кризису рабовладельческого строя. Одну их причин он усматривает в прекращении успешных войн, в результате чего сократилось общее количество рабов. Ставить развитие новых форм эксплуатации в зависимость от притока рабов нельзя, ибо, если приток рабов регулируется потребностями хозяйства»¹⁷⁰.

Как в дальнейшем сложилась судьба Е. И. Патлажана? Кратко скажем, что после защиты диссертации его карьера пошла стремительно в гору. Более тридцати семи лет научно-педагогической деятельности Патлажана Ю. И. была связана с Ивано-Франковским педагогическим институтом. Он отошел от исследований по античной истории (что в его условиях это было вполне естественно) и занялся изучением проблем истории стран Азии и Африки. В 1976 г. на заседании ученого совета Московского государственного педагогического института он защитил докторскую диссертацию на тему «Трудящиеся зарубежного Востока в борьбе за установление Советской власти на Украине» (1917–1921)».

¹⁶⁸ ГАРО. Ф. р. – 46. Оп.10. Д. 1644.. Л.58.

¹⁶⁹ Там же. Л.39.

¹⁷⁰ Там же. Л. 32–33.

В Ивано-Франковском педагогическом институте он прошел путь от ассистента до профессора, декана факультета. С 30 ноября 1967 г. по 1 июня 1968 г., а также с 25 июня 1976 г. по 11 января 1977 г. он был деканом исторического факультета. В период с 1 мая 1968 г. по 7 декабря 1987 г. был избран заведующим кафедрой всеобщей истории. За этот период им были разработаны и на протяжении многих лет читались такие учебные курсы как «История Древнего мира», «Новая и новейшая история стран Азии и Африки» и др.

С 1975 по 1977 гг. он избирался депутатом Ивано-Франковской областной совета народных депутатов. В 1960 г. был избран заместителем директора управления областной организации товарищества «Знания», где и работал на протяжении многих годов. Являлся автором 116 публикаций на различную тематику. Среди них монографии «Незабываемое проявление пролетарской солидарности. (Интернациональное движение в колониальных войсках интервентов на юге Украины в 1918–1919 гг.)». (Львов, 1968), «В рядах братьев по классу (Участие трудящихся Ближнего и Среднего Востока в борьбе за победу Великого Октября на Украине.) (Киев, 1971), «Изучение материалов XXVI съезда КПСС на уроках новейшей истории в школе (Методические рекомендации) (Ивано-Франковск, 1983), «Ленин В. И. и национально-освободительное движение на современном этапе (К 110-летию со дня рождения В. И. Ленина)». (Методические рекомендации в помощь ректорам, пропагандистам и агитаторам). (Ивано-Франковск, 1980), «Методические рекомендации лекции на тему: «40-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». (Ивано-Франковск, 1985). Умер Ефим Израилевич Патлажан летом 1990 г.¹⁷¹

Любимым учеником А. Д. Дмитрева и его первым аспирантом на донской земле стал *Юрий Венедиктович Кнышенко* (1921–1990). Их знакомство, видимо, произошло в 1945–1946 гг., когда профессор впервые оказался в Ростове, а бывший фронтовик-офицер только поступил на 1 курс университета. Потом их пути на некоторое время разошлись: А. Д. Дмитрев перевелся в Черновцы, ну, а Юрий Венедиктович....

¹⁷¹ Дополнительные сведения нам любезно сообщил ученик Е. И. Патлажана к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории Прикарпатского Государственного Университета им. Василя Стефаника Степан Николаевич Борчук, которому мы выражаем искреннюю признательность.

Путь Ю. В. Кнышенко в науку был непростым. Родился он 8 февраля 1921 г. в станице Усть-Лабинской Краснодарского края¹⁷². Его отец работал слесарем, счётоводом, бухгалтером, и умер в Средней Азии в 1943 г. Мать – домохозяйка. В 1928 г. семья переехала в г. Ростов-на-Дону на место жительства отца. В сентябре 1938 г. он стал студентом Индустриального института им Н. С. Хрущева в г. Сталинграде. В 1942 г. он поступил на исторический факультет Ростовского государственного университета, но первый период его студенческой жизни продлился очень недолго: он был призван в ряды Красной Армии и закончил войну в должности командира взвода управления артиллерийской батареей. После тяжёлого ранения в сентябре 1943 г. и лечения в госпиталях и службы в запасных армейских частях, Ю. В. Кнышенко был демобилизован из армии и в 1945 г. стал студентом исторического отделения историко-филологического факультета РГУ, который и окончил в 1950 г. Сразу поступить в аспирантуру не получилось, и с 1950–1951 он – консультант Дома партийного просвещения при Ростовском Горкоме ВКП (б). С 1951 г. – ассистент кафедры Всеобщей истории РГУ, а в 1952 поступает в аспирантуру по специальности «история древнего мира», которую оканчивает в 1955 г.¹⁷³.

Авторитет А. Д. Дмитриева среди студенчества был столь высок, что Юрий Венедиктович стал одним из тех, кто уже во время учёбы всерьёз заинтересовался проблемами античной истории. После окончания учёбы ему посчастливилось стать первым аспирантом А. Д. Дмитриева. До конца своих дней в устных беседах Ю. В. Кнышенко всегда с трепетом и огромным уважением отзывался о своём учителе.

А. Д. Дмитриев предложил своему ученику заняться диктатурой Суллы. В принципе, эта тема далека (особенно хронологически) от тех проблем, которые в своих трудах разрабатывал его научный руководитель. Тем не менее, эта тема была утверждена и Ю. В. Кнышенко с интересом начал работу над ней.

Ещё будучи аспирантом, Ю. В. Кнышенко по поручению кафедры разработал и начал читать курсы по истории первобытного общества и ос-

¹⁷² ГАРО. Ф.р-46. Оп.22. Д. 957. Л. 2. По другим данным местом его рождения был г. Борисоглебск. См.: Журавлёв Ю. Е. Юрий Венедиктович Кнышенко // Исторические этюды. Вып.5. Ростов-на-Дону, 2002. С. 5–6.

¹⁷³ Там же.

новам этнографии на 1 курсе исторического факультета. С тех пор работа над этими лекционными курсами становится любимым делом жизни Ю. В. Кнышенко.

В 1955 г. им была подготовлена, успешно обсуждена и защищена кандидатская диссертация на тему: «Социально-политическая борьба в Риме 80–70-х гг. I в. до н.э. (сулланская реакция). Диссертация была посвящена исследованию сулланского режима – одного из самых острых периодов социально–политической борьбы в Риме, уяснение которого проливалось свет на проблему кризиса и падения Римской республики. Основной задачей диссертации, как её формулирует автор, было «установление подлинной роли и значения сулланского режима, разоблачение многочисленных извращений в данной проблеме реакционных буржуазных историков....»¹⁷⁴.

Вообще, «критика реакционной буржуазной историографии» было *locus communis* воспитанников Александра Дмитриевича, но и всей отечественной историографии. Не случайно в историографическом обзоре резкой критике подвергаются такие западные ученые, как Бейкер, Лау, Леутвейн, Каркопино и т.д. Удивительно, что в частной беседе с автором этих строк, Юрий Венедиктович высказывал восхищение работой французского исследователя, но вот публично его хвалить, особенно в автореферате.... Едва ли в этом случае он был правильно понят официальной наукой. Наиболее интересна третья глава диссертации, где Ю. В. Кнышенко анализирует сулланское законодательство. По словам автора, «реформы Суллы представляя собой развернутое осуществление политических устремлений реакционного крыла партии оптиматов, преследовали две основные цели: отнять у римской демократии её важнейшие завоевания и передать сенаторскому сословию полностью верховную власть в стране»¹⁷⁵.

Главный вывод, к которому автор пришёл в заключении своей работы, заключался в том, что диктатуры Суллы была обречена на скорое падение, и причиной тому была её узкая социальная база¹⁷⁶.

Хотя хронологически тема диссертации Ю. В. Кнышенко отделена от темы его научного руководителями несколькими веками, влияние А. Д. Дмитриева на его ученика весьма ощутимо. Так, находя сходство сул-

¹⁷⁴ Кнышенко Ю. В. Социально-политическая борьбы в Риме в 80–70 гг. I в. до н.э. (сулланская реакция). Автореф. дисс.... к.и.н. Ростов-на-Дону, 1955. - С.1–2.

¹⁷⁵ Там же. С.8

¹⁷⁶ Там же. С.16.

ланского режима с империей, он находит его в том, они, «...по своей социальной сущности, в одинаковой мере являлись реакцией на революционные выступления рабов и свободной бедноты».

Не менее показателен и следующий пассаж: «Сулланский режим не только не разрешил строго социально-политического кризиса римского общества, а, наоборот, ещё более обострил его. Этот режим не смог приостановить развития классовой и сословной борьбы, не смог подавить движения рабов и свободной бедноты, а также ликвидировать ожесточенную политическую борьбу между отдельными прослойками господствующего рабовладельческого класса»¹⁷⁷. Влияние учителя едва ли можно не ощутить: здесь и «революционные выступления рабов и свободной бедноты», и «развитие классовой и сословной борьбы», «военная диктатура рабовладельческого класса», и другие известные постулаты марксистско-ленинской теории.

Некоторое сомнение вызывает также предположение автора о том, что Сулла «лично стремился к пожизненной диктатуре, что противоречило интересам аристократической партии»¹⁷⁸ – в источниках мы не находим ни единого тому подтверждения. Тем не менее, в целом, на наш взгляд, диссертация выполнена на хорошем научном уровне.

К сожалению, нам неизвестно, кто выступал на защите Ю. В. Кнышенко в качестве оппонентов, но поскольку в разговоре с автором этих строк он очень часто упоминал А. И. Немировского, и, учитывая близость Воронежа к Ростову-на-Дону, где тот работал в местном университете, то можно с уверенностью предположить участие Александра Иосифовича в оппонировании.

После завершения преподавательской деятельности профессора А. Д. Дмитриева в 1962 г., Ю. В. Кнышенко становится ведущим преподавателем по истории древнего мира. Он ведёт одновременно курсы истории первобытного общества, основ этнографии и истории Древней Греции и Рима. 21 мая 1966 г. Высшая аттестационная комиссия утверждает его в звании доцента¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Кнышенко Ю. В. Социально-политическая борьба в Риме в 80–70 гг. I в. до н.э. (сулланская реакция). Автореф. дисс.... к.и.н. Ростов-на-Дону, 1955. С. 16.

¹⁷⁸ Там же. С. 8.

¹⁷⁹ Там же. С. 9.

К сожалению, со временем его всё больше увлекают проблемы истории религии, первобытного общества (по данному курсу он подготовил прекрасный учебник), основ этнографии и, хотя историю Древней Греции и Рима он ещё по инерции продолжает преподавать примерно до начала 80-х годов, к этой науке об античности, он, к сожалению, он более не возвращался.

В 1980 г. по результатам конкурса он был избран на должность заведующего кафедрой созданной по его инициативе кафедры Истории древнего мира и средних веков¹⁸⁰.

Юрий Венедиктович Кнышенко умер 14 февраля 1990 г. в возрасте 69 лет¹⁸¹. Причиной его смерти стал инсульт.

Последним аспирантом А. Д. Дмитриева стал преподаватель из г. Шахты *Николай Павлович Доценко* (1924–2001). Мне несколько раз довелось встретиться с Николаем Павловичем, записать, увы, краткие и отрывочные воспоминания о его научном руководителе, и каждый раз я узнавал от него какую-то новую и дополнительную информацию.

Николай Павлович Доценко родился 6 января 1924 г. в посёлке Власово-Аюта Шахтинского района Ростовской области в семье полуграмотных крестьян. Свой трудовой путь начал в эвакуации в г. Шаартуз Таджикской ССР бухгалтером на местной МТС.

В 1942 г. был мобилизован и зачислен курсантом 1-го Туркестанского пулемётного училища, находившегося в г. Кушка Туркменской ССР. В 1943 г. по окончании краткосрочных курсов он получает звание лейтенанта и назначен командиром взвода 1-го пулемётного учебного полка. Затем следует новое назначение – лейтенантом в запасной офицерский полк в г. киргизский Ош. С июля 1943 г. – в действующей армии на должности командира пулемётного взвода. С боями прошёл города Миргород, Харьков, но вскоре получил тяжёлое ранение и был отправлен в Оренбургский госпиталь, где до 1944 проходил курс лечения. Однако ранение оказалось настолько тяжёлым, что он был демобилизован и отправлен на родину, на Дон, где в августе того же 1944 стал слушателем подготовительного отделения Новочеркасского политехнического института. За свои боевые заслу-

¹⁸⁰ Кнышенко Ю. В. Социально-политическая борьбы в Риме в 80–70 гг. I в. до н.э. (сулланская реакция). Автореф. дисс.... к.и.н. Ростов-на-Дону, 1955. С. 69.

¹⁸¹ Там же. С. 119.

ги Н. П. Доценко был награждён Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу в Германии в Великой Отечественной войне», «20 лет победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженных Сил СССР».

Успешно сдав вступительные экзамены, Н. П. Доценко стал студентом первого курса энергетического факультета Новочеркасского политехнического института. Однако, проучившись здесь один год, Николай Павлович понял, что энергетика – не его призвание, и в 1945 г. поступил на историко–филологический факультет Ростовского государственного университета. По окончании его он получил направление в родной город Шахты, где приступил к работе в качестве учителя истории в средней школе № 4., а затем в той же школе с 1952 г. его переводят на должность завуча. В 1953 г. он перешел на работу лектором в Шахтинский горком КПСС, а затем стал лектором Каменского обкома КПСС¹⁸².

Однако интерес к большой науке дал, в конце концов, знать и Николай Павлович к удивлению местных партийных функционеров в 1960 г. поступил в аспирантуру при кафедре Всеобщей истории Ростовского Государственного университета по специальности «История древнего мира». Видимо, не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что однокурсник и близкий друг Николая Павловича Ю. В. Кнышенко не только поступил в аспирантуру по той же специальности, но и успешно защитил кандидатскую диссертацию¹⁸³. С научным руководителем – профессором А. Д. Дмитриевым они обсудили и утвердили тему диссертации – «Борьба испанских племён за независимость». Но во время работы над диссертацией А. Д. Дмитриев тяжело заболел и, и как оказалось, навсегда слёг в постель. Но, несмотря на это он, в силу своих возможностей, продолжал консультировать своего ученика. В 1962 г. А. Д. Дмитриев ушёл из жизни, и Н. П. Доценко оказался без научного руководителя. Тогда по рекомендации факультетского руководства научное руководство над ним взял выдающийся антиковед профессор С. Л. Утченко, к которому Н. П. Доценко ездил на консультации в Институт Истории АН СССР.

¹⁸² Архив Шахтинского технологического института бытового обслуживания (ныне ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты. Личное дело Н. П. Доценко. Л. 1.

¹⁸³ Кстати, Юрия Венедиктовича и Николая Павловича объединяла общая страсть – шахматы. Именно с шахмат и началось их близкое знакомство на первом курсе.

Но, тем не менее, завершить работу до выхода из аспирантуры Николай Павлович, естественно, не смог. В 1963 г. он возвратился в родные Шахты и приступил к работе в Шахтинском педагогическом институте в должности старшего преподавателя кафедры Всеобщей истории.

Мог ли Н. П. Доценко остаться на работу в Ростове? По словам самого Николая Павловича, ему предлагал место на кафедре Всеобщей истории РГУ лично тогдашний декан исторического факультета Владимир Александрович Золотов. Но Николай Павлович выбрал Шахты. И важным мотивом в этой ситуации было то, что в Шахтах у него уже была квартира, что значило немало как в те времена, так и сейчас. Здесь же в Ростове, перспективы с квартирой были весьма туманны.

Таких квалифицированных кадров, как Н. П. Доценко, в Шахтах можно было пересчитать по пальцам, и в 1965 г. его назначают на должность проректора по научной и учебной работе Шахтинского пединститута, на которой он находился до 1967.

Защита кандидатской диссертации состоялась в 1966 г. в Учёном совете Ростовского государственного университета. Оппонентами на защите выступили известные антиковеды А. И. Немировский, А. С. Шофман и М. М. Слонимский. С ними Н. П. Доценко ещё потом долго поддерживал дружеские отношения.

Несмотря на отдельные издержки времени (упрек зарубежной буржуазной историографии, сравнение *Rex Romana* с *Rex American* и т.д.) работа производит весьма благоприятное впечатление. В диссертации использованы труды таких авторитетов античной науки, как Г. де Санктис, Ф. Марш, А. Шультен, Э. Паис, А. Феррабино и т.д. По ходу изложения автор демонстрирует отличное знание географии и топографии античной Испании. В центре его внимания, конечно же, борьба лузитан во главе со своим вождем Вириатом, а также осада Нуманции Сципионом Эмилианом. Н. П. Доценко отмечает роль испанских войн в общем кризисе Римского государства, выразившимся в падении морали и упадке нравов¹⁸⁴. Да, и само восстановление хода военных действий на основе разрозненных источ-

¹⁸⁴ Доценко Н. П. Римская агрессия в Испании и борьба испанских племен за независимость. (154-133 г. до н.э.) Ростов-на-Дону, 1965. – С.53. Учитывая пожелание Николая Павловича, мы ссылаемся здесь не на автореферат, а на полную версию диссертации, вышедшую отдельной книгой.

ников, которое с успехом проделал Н. П. Доценко, является интересной и сложной задачей.

Однако преподавание столь любимой Николай Павловичем античной истории продолжалось не долго: Шахтинский пединститут (и, естественно, исторической факультет при нём) были расформированы, и на их базе был создан Шахтинский технологический институт. Сюда и был вынужден перейти Н. П. Доценко на должность сначала заведующего кафедрой истории КПСС и научного коммунизма. С 1974 г. и вплоть до своего выхода на пенсию Н.П. Доценко проработал в должности доцента кафедры «Общественные науки» в Шахтинском технологическом институте бытового обслуживания. За успехи на поприще преподавательской деятельности Н. П. Доценко был награждён знаком «Отличник народного просвещения»

Всю жизнь приходилось «ломать» себя Николаю Павловичу, преподавая столь нелюбимые им дисциплины. И когда ему исполнилось 60 лет – уникальный случай среди историков – он ни минуты не сомневаясь, написал заявление об уходе на пенсию. 25 августа 1984 г. он официально уволился и вышел на пенсию¹⁸⁵.

Умер Николай Павлович Доценко в возрасте 77 лет 18 марта 2001 г. от онкологического заболевания. Сильным ударом для него была гибель в автокатастрофе любимой внучки.

В некоторой степени учеником можно считать и к.и.н., доцента РГУ *Юрия Ефимовича Журавлева*, который был студентом А. Д. Дмитриева, что в значительной степени повлияло на выбор им будущей специальности. В личных беседах с автором этих строк Юрий Ефимович всегда с гордостью подчеркивал, что он учился именно у профессора А. Д. Дмитриева. Ю. Е. Журавлев родился 21 февраля 1937 г. в г. Москве¹⁸⁶. Во время Великой Отечественной войны он потерял своих родителей и был усыновлён Журавлёвой Клавдией Иосифовной, сестрой умершей матери, и её мужем Ефимом Максимовичем. В 1944 г. поступил в 1 класс средней школы г. Воронеже, а в 1954 г. окончил 10 классов школы № 10 в г. Таганроге. В 1956 г. окончил железнодорожное училище в Таганроге, а с 1956 по 1959 находился на службе в вооружённых силах.

¹⁸⁵ Архив Шахтинского технологического института бытового обслуживания (ныне ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты. Личное дело Н. П. Доценко. Л. 2.

¹⁸⁶ Ф.р-46. Оп.22. Д.1291. Л.22.

В 1959 г. поступил на исторический факультет РГУ, а по его окончании с 1964 по 1968 гг. работал научным сотрудником Таганрогского филиала архива, а с октября 1968 по сентябрь 1971 г. – преподавателем кафедры Всеобщей истории РГУ. По словам Ю. Е. Журавлева, после окончания РГУ и нескольких лет работы, он сам пришел на факультет к тогдашнему декану В. А. Золотову и попросился в аспирантуру. И просьба его была удовлетворена.

В 1971 он поступил в целевую аспирантуру на исторический факультет в МГУ, где его научным руководителем стал А. Г. Бокщанин. В 1974 он окончил аспирантуру¹⁸⁷, но текст диссертации им не был представлен. С 16.09.1974 г. Ю. Е. Журавлев был зачислен преподавателем РГУ¹⁸⁸. Лишь 14 апреля 1982 г. в Ученом совете МГУ ему удалось защитить кандидатскую диссертацию на тему «Взаимоотношения Рима с державой Селевкидов (200–160 гг. до н.э.)». После защиты кандидатской диссертации, опубликовав ряд незначительных статей, активной научной работой практически не занимался. В общем списке его трудов по античности нашлись лишь четыре наименования его статей¹⁸⁹.

Умер Юрий Ефимович Журавлев в возрасте 20 мая 2001 г. в возрасте 64 лет от внезапно обнаруженного онкологического заболевания.

Что же касается самого Александра Дмитриевича Дмитрева, то он не был узким специалистом по эпохе поздней античности. Он глубоко разбирался в проблематике самых различных исторических эпох и мог выносить вполне компетентные суждения. Интересен в этом отношении рассказ доцента РГУ Натальи Васильевны Бакулиной, которая долгое время проработала с А. Д. Дмитревым на одной кафедре. Ей была подготовлена кандидатская диссертация, посвящённая взаимоотношениям болгарского революционера–демократа Х. Ботева и Н. Г. Чернышевского. Первым «читателем» этой диссертации и стал А. Д. Дмитрев, в то время заведующий ка-

¹⁸⁷ Ф.р-46. Оп.22. Д.1291. Л.4.

¹⁸⁸ Там же. Л.5.

¹⁸⁹ См.: Журавлев Ю. Е. Лозунг борьбы за свободу греков в римской политике 90-х гг. II в. до н.э. // Проблемы всеобщей истории. Изд. МГУ. 1974.; он же. Некоторые аспекты восточной политики Римской республики нач. II в. до н.э. и современная западная историография // Известия СКНЦ, 1975, № 3.; он же. Римско-селевкидские отношения накануне и во время III Македонской войны // Проблемы истории докапиталистических формаций. М.: МГУ, 1978; он же. Тагнаис в Апамейском договоре Рима с Антиохом (тезисы доклада) // Итоги исследований Азово-Донской экспедиции в 1985 г. Азов, 1986.

федрой Всеобщей истории. Как вспоминает Н. В. Бакулина, он первым выступил на заседании кафедры, высоко оценил представленную работу, и, таким образом, дал ей путёвку в жизнь.

Таким образом, говоря о «школе» профессора А. Д. Дмитриева, можно сказать, что он опирался на новое поколение, в основном состоящее из выпускников уже советской высшей школы, бывших фронтовых офицеров, хотя и не имевших солидной антиковедческой подготовки, но горячо увлечённых проблемами истории Древней Греции и Рима. Это и помогло им подготовить и защитить добротные кандидатские диссертации, став квалифицированными преподавателями. И в этом огромная заслуга профессора Александра Дмитриевича Дмитриева.

Заключение

Таким образом, на примере жизни профессора Александра Дмитриевича Дмитрева мы рассмотрели глобальную проблему: жизни и творчества ученого в контексте эпохи. Или другими словами – положение историка в условиях тоталитарного государства, определявшего и жестко контролирующего соответствующую идеологию.

С именем профессора А. Д. Дмитрева связан новый, послевоенный этап зарождение антиковедения на Донской земле. Несмотря на то, что Варшавский университет появился здесь гораздо раньше, в 1915 году, однако, к сожалению, труды классиков–варшавян оказались на долгое время забыты и в своем большинстве мало востребованы отечественными исследователями.

А. Д. Дмитрев был учёным старой, дореволюционной школы, получивший солидную антиковедческую подготовку. Он великолепно знал не только древние языки – древнегреческий и латынь, – но и владел современными европейскими языками – английским, немецким, французским. Знание этих языков позволяло ему не только читать первоисточники – как древние документы, так и непереверённые на русский язык работы античных авторов, но и использовать работы западноевропейских учёных, писавших по интересующей его теме.

Основательная подготовка, полученная им в Киевской духовной академии, позволяла ему писать статьи и монографии на самые разнообразные исторические сюжеты. И надо сказать, что А. Д. Дмитриеву везло с учителями: чего стоят имена выдающихся учёных антиковеда Ф. Г. Мищенко и византиниста Ф. И. Успенского!

А. Д. Дмитрев не был узким учёным-антиковедом. Его интересовали сюжеты и из истории религии, и из истории освободительных крестьянских движений на Украине XVII–XVIII вв., и по взаимоотношениям церкви и самодержавия в России в XVIII веке.

Жил Александр Дмитриевич в очень сложную эпоху. Любая ошибка, любой неверный шаг могли привести не только к досрочному завершению научной и педагогической карьеры, но и к аресту с самыми худшими последствиями. Поэтому очень часто ему приходилось приспосабливаться к изменяющимся условиям и обстоятельствам. Так, когда было нужно, в сво-

ей автобиографии он себя называл то украинцем, но когда поступал на работу в России, то, соответственно, писал себя русским.

Несмотря на то, что А. Д. Дмитриев окончил Киевскую духовную академию, церковное образование, наоборот, сделало из него активного атеиста. Сегодня трудно сказать, искренне ли Александр Дмитриевич не верил в бога, или же это была своего рода маскировка с целью выжить и уцелеть в условиях разворачивающегося террора против церкви и её представителей. Но глубокое знание предмета позволяли А. Д. Дмитриеву писать не примитивные агитки, доказывающие, что «религия – опиум для народа», а глубокие научные труды, в которых он, основываясь на данных археологии, отказывал в историчности образа Иисуса Христа. Нельзя в этой связи не признать, что в его лице Отдел по делам религии и культов при Совете Министров СССР получил ценнейшего работника, умевшего вести антирелигиозную пропаганду на самом высоком уровне.

А. Д. Дмитриев несмотря на то, что полученное им довольно специфическое образование, глубоко изучил марксизм и принял его. Особенно это касалось теории классовой борьбы. Именно её он будет с успехом применять как при рассмотрении крестьянских войн на его родной Украине (гайдамачина, колиивщина и т.д.), так и при исследовании главной темы его жизни – социальных движений в Римской империи в III–V вв.

Все работы А. Д. Дмитриева носят полемический характер. Во всех своих статьях по античной тематике он яростно клеймит «буржуазную историографию», обвиняя её в разного рода «фальсификациях» и служению интересам буржуазии». Все в духе того времени, в котором он жил.

Появление А. Д. Дмитриева в 1951 году на историческом факультете Ростовского государственного университета стимулировало повышение резкого интереса к проблемам истории Древней Греции и Рима, но истории вообще. Это была поистине *знаковая* фигура. В 1952 г. ушел из жизни другой видный ученый старой дореволюционной школы – профессор Михаил Васильевич Клочков (который к тому же с 1951 г. из-за болезни практически не появлялся на факультете), и Александр Дмитриевич на том этапе заменил его в качестве *научного лидера* факультета. И с Михаилом Васильевичем Клочковым, и с Александром Дмитриевичем Дмитриевым в РГУ пришла большая наука. Оба они имели аспирантов, оба активно участвовали в заседаниях ученого совета объединенного историко-филологического факультета.

Его появление на историческом факультете РГУ вызвало огромный интерес к античности. Александр Дмитриевич был не только превосходный лектор, которого приходили послушать студенты с других факультетов, но и заботливым научным руководителем, который умел подбирать актуальные и малоисследованные темы для своих аспирантов и соискателей. И хотя его аспиранты не получили специальной антиковедческой подготовки (на историческом факультете РГУ в соответствии с учебной программой отсутствовал курс древнегреческого языка, а латинский язык преподавался только в течение полутора семестров в ограниченном объёме), все они затем успешно защитили свои диссертации.

Но это был учёный разносторонних интересов. Его увлекали самые разные разделы истории. Если он брался писать по какой-либо теме, то он глубоко и всесторонне изучал предмет, прежде чем выдавать готовую печатную продукцию. Это касается как его работ по истории Украины, так и его трудов по истории религии.

И не случайно долгое время на историческом факультете Ростовского государственного университета не было фигуры равной Александру Дмитриевичу не только по учёному званию (долгое время он оставался единственным профессором на факультете), но по эрудиции и уровню подготовки. Его пребывание на донской земле оставило здесь глубокий след.

Едва ли у нас повернется язык критиковать ученого за имеющиеся в его работах отдельные огрехи, некорректное толкование фактов, игнорирование одних и выпячивание на первый план других и даже достаточно вольный перевод с латыни отдельных выражений.

Для того, чтобы его понять, нужно было жить в ту эпоху, осознать весь ужас той гнетущей атмосферы, в которой любой признанный ученый в миг мог превратиться в изгоя или в худшем случае – быть стертым в лагерную пыль. Поэтому на страницах этой книги нет *осуждения*, но есть *понимание*.

В меру своих сил и возможностей профессор А. Д. Дмитрев он верно служил тому государству, в котором он жил и которое обеспечило все возможности для его научного творчества и самовыражения.

Хочется верить, что имя Александра Дмитриевича Дмитрева не будет забыто потомками.

Список трудов А. Д. Дмитриева:

1. Дмитриев А. Д. Вопрос об историчности Христа в свете археологии. М., 1929.
2. Дмитриев А. Д. Личность девы Марии в свете археологии. М., 1931.
3. Дмитриев А. Д. Церковь и самодержавие в России. М., 1930.
4. Дмитриев А. Д. Церковь и самодержавие в Византии // Воинствующий Атеист. 1930, № 1.
5. Дмитриев А. Д. Никола угодник и его культ // Атеист, 1930.
6. Дмитриев А. Д. Церковь и крестьянство на Руси. М., 1931.
7. Дмитриев А. Д. Интервенция против СССР и церковь. М., 1931.
8. Дмитриев А. Д. Буржуазная педагогика и религия // Воинствующий Атеист, 1931, № 1.
9. Дмитриев А. Д. Кровавый навет и христианская церковь. М., 1932.
10. Дмитриев А. Д. Коливщина. Из истории классовой борьбы на Украине во второй половине XVIII в. М., 1934.
11. Дмитриев А. Д. Хмельничина. Из истории классовой борьбы на Украине в первой половине XVII в. М., 1934.
12. Дмитриев А. Д. Гайдамачина. Из истории классовой борьбы на Украине в первой половине XVIII в. М., 1934.
13. Дмитриев А. Д. Инквизиция в России. М., 1937.
14. Дмитриев А. Д. Движение Багаудов // ВДИ, 1940, № 3–4.
15. Дмитриев А. Д. Буколы // ВДИ, 1946, № 4.
16. Дмитриев А. Д. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах // ВДИ, 1948, № 1.
17. Дмитриев А. Д. Падение Дакии // ВДИ, 1949, № 1.
18. Дмитриев А. Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов // ВДИ, 1950, № 1.
19. Дмитриев А. Д. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Ленинград, 1950.
20. Дмитриев А. Д. Движение *latrones* как особая форма классовой борьбы в Римской империи // ВДИ, 1951, № 4.
21. Дмитриев А. Д. Движение скамаров // Византийский Временник. Т.V. 1952.

22. Дмитрев А. Д. Происхождение и классовая сущность христианства. Ростов-на-Дону, 1954.
23. Дмитрев А. Д. Народные движения в восточно–римских провинциях в период дунайских войн III в.// Византийский Временник. Т.VIII. 1956.
24. Дмитрев А. Д. Никейский собор // Большая Советская Энциклопедия (Далее – БСЭ). 2–е издание. Т.29. С.614.
25. Дмитрев А. Д. Одоакр // БСЭ. Т.30. С. 543.
26. Дмитрев А. Д. Орозий // БСЭ. Т.31. С.220.
27. Дмитрев А. Д. Остготы // БСЭ. Т.31. С.327–328.
28. Дмитрев А. Д. Понтифики // БСЭ. Т.34. С.147.
29. Дмитрев А. Д. Теодорих // БСЭ. Т.42. С.223.
30. Дмитрев А. Д. Тотилла // БСЭ. Т.43. С.68.

Литература:

1. Балух В., Масан О. Творчий шлях кафедри етнології та середньоовічної історії за 60 років // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Т.1. Чернівці, 2001. С. 9–20.
2. Боднарюк Б. Життя і наукова діяльність історика–візантиніста Олександра Дмитрева // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Т.2 (30). Чернівці, 2010. С. 9–14.
3. Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968.
4. Волошин Д. А. Теория революции рабов. Ставрополь, 2016.
5. Доценко Н. П. Римская агрессия в Испании и борьба испанских племён за независимость (154–133 гг. до н.э.). Ростов-на-Дону, 1965.
6. Журавлёв Ю. Е. Юрий Венедиктович Кнышенко // Исторические этюды. Вып.5. Ростов-на-Дону, 2002.
7. Историография античной истории. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.
8. Казаров С. С. А. Д. Дмитрев – учёный антиковед // Известия Вузов. Северо–Кавказский регион. 1994, № 1–2. С.104–106.
9. Казаров С. С. У истоков советского антиковедения // Донской временник. 1998. С.64–66.

10. Кнышенко Ю. В. Социально–политическая борьба в Риме в 80–70–х гг. I вв. в Риме (сулланская реакция). Автореф. дисс.... к.и.н. Ростов-на-Дону, 1955.
11. Кнышенко Ю. В. Член национального комитета историков Советского Союза А. Д. Дмитриев (1888–1962) // Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 1965. С.228–231.
12. Кнышенко Ю. В. А. Д. Дмитриев // Путиами познания. Биографии о видных учёных РГУ. Ростов-на-Дону, 1985.
13. Патлажан Е. И. Кризис рабовладельческого строя и революционное движение эксплуатируемых масс в восточной части Римской империи в последней трети IV в. Автореф. дисс.... к.и.н. Одесса – Станислав, 1953.
14. Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М.. 1969.
15. Файда О. В. Византистика в Киевской Духовной Академии в 1819–1919 гг. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Львов, 2006.

Научное издание

КАЗАРОВ Саркис Суренович

**А. Д. ДМИТРЕВ И РАЗВИТИЕ АНТИКОВЕДЕНИЯ
НА ДОНУ**

Монография

Подписано в печать 01.03.2018.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 5,87. Уч.-изд. л. 5,0.

Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 6290.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. (863) 247-80-51.